

АЛЕКС ОРЛОВ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

«ЗОЛОТОГО ПЛЕННИКА»

ПРОДОЛЖАЮТСЯ

* РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК *

ЗОЛОТОЙ ВОИН

ЭКСМО

Золотой пленник

Алекс Орлов

Золотой воин

«Автор»

2008

Орлов А.

Золотой воин / А. Орлов — «Автор», 2008 — (Золотой пленник)

Уцелев в жестокой битве и попав из-за предательства в галерные рабы, Питер Фонтен отправляется на сказочный остров, где рубины рождаются в реках, а берега усеяны жемчугом. Чудом избежав участи всей команды, он и его товарищ Крафт выбирают обитаемые берега, но спасение превращается в новое рабство – могущественный маг пленяет Питера и передает оркам-гигантам...

© Орлов А., 2008

© Автор, 2008

Содержание

1	5
2	7
3	10
4	16
5	19
6	20
7	22
8	25
9	28
10	32
11	35
12	39
13	41
14	45
15	47
16	49
17	54
18	56
19	59
20	60
21	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Алекс Орлов

Золотой воин

1

Третий день новой жизни Питера Фонтена выдался особенно жарким, солнце так нагрело доски, что из дерева вытапливалась смола и стекала по стенкам дощатого узилища, приклеиваясь к спинам сидевших в синдоне обнаженных узников. Помимо Питера и Крафта, в их отделении находились еще трое рабов – надорвавшиеся на галере гребцы, которым дали последний шанс доказать свою нужность. У двоих из них дела шли на поправку, а третий продолжал слабеть, и по поводу его участи уже ни у кого не возникало сомнений. Обессилевших рабов выбрасывали за борт.

Предатель Густав сидел в другом отделении синдона, за частой деревянной решеткой. Он старался не смотреть в сторону Питера и Крафта, понимая, что, оказавшись с ними в одной ячейке, не прожил бы и часа. Компанию ему составляли два чернокожих раба-канкийца. Они совсем не знали яни, и Густаву не с кем было перекинуться даже парой слов.

Впрочем, в тесном синдоне в такую жару никто итак ни с кем не разговаривал. Узники тупо таращились в одну точку, ожидая лишь одного – когда принесут теплой воды. О еде думали меньше, есть совсем не хотелось.

– Ум! Ката-а! Ум! Ката-та! – доносилось с нижней палубы. Галера вышла на быстрое течение, и капитан решил скорее этим воспользоваться. До этого галера двое суток шла под парусом.

Проникавшие через щели между досок лучи стали прочерчивать по стенам синдона и вспотевшим телам узников длинные дуги – галера разворачивалась. Солнце попало в глаза Питеру, и он зажмурился.

Послышался шелест полотна: парус убрали – течение властно увлекало галеру за собой.

Протопал в деревянных башмаках кок. Перекинувшись с кем-то парой слов, он засмеялся, потом вернулся к синдону и, позвенец цепями, снял деревянный засов. Распахнув дверь, заглянул в темную нору узилища и спросил:

– Живы еще, мерзавцы?

Разумеется, ему никто не ответил, это было вроде одностороннего приветствия.

– Получите свое дерьмо...

С этими словами он забросил в синдон несколько кусков зачерствелого хлеба, который узники сразу же разобрали, однако есть не торопились – ждали воды.

– Первый – держи... – объявил кок, подавая мерку с водой. Вылить ее было некуда, поэтому следовало набрать воду в рот и потом постепенно глотать – так жажда утолялась лучше. Питер и Крафт были с этим хорошо знакомы, им уже приходилось выживать в тяжелых условиях.

Первый, второй, третий... Узники без задержки возвращали пустую мерку, не давая коку повода для наказания, и это злило его. Отвесить затрещину любому из них он мог вполне безбоязненно, однако больше ему нравилось выискивать какой-то повод.

Так вели себя почти все члены команды, это давало им возможность почувствовать себя вершителем судеб, даже самым никчемным из пиратов, трусивших при виде каждого встречного паруса.

Разобравшись с одной ячейкой, кок обошел синдон и открыл клетушку со стороны Густава.

– Живы еще, мерзавцы? Получите свое дерьмо...

Все как обычно, кок не блистал разнообразием. Те же фразы он говорил и узникам другого синдона, расположенного на корме. Туда отправляли проштрафившихся, поскольку из-за сильной качки уже через несколько дней тошнить там начинало даже бывалых моряков.

– А ты что зенки выпучил?

Питер повернул голову – через частую деревянную решетку ему не было видно, к кому обращался кок.

– Ты не с севера, случаем, уж больно морда знакомая?

– Я литонец, ваша милость, из Пярту! – торопливо заговорил Густав, ему показалось, что более близкое знакомство с коком принесет послабления.

– У меня свояк из тех же краев, такая же сволочь...

С этими словами кок заехал кулаком в лицо высунувшемуся Густаву и захохотал.

Крафт с Питером переглянулись, и на их лицах появились улыбки, ведь это Густав продал их в рабство на пиратский корабль. Хотел заработать денег на дорогу в родной Пярту, поближе к коровкам, но прогадал и попался в сети сам, разделив участь своих жертв.

Кок ушел. Питер вытянул занемевшую ногу, а другую подложил под себя – вытянуть одновременно обе ноги возможности не было, в ячейке не хватало места.

– Они уже воняют, Зеб, почему ты не достанешь воды? – Это был голос неугомонного кока, который не оставлял в покое даже матросов.

– Я смываю их после полуденных склянок...

– Но сегодня же пекло – смой, прошу тебя, я не могу готовить похлебку, запах дерьма забивает запах чечевицы!

Питер внимательно прислушивался к этой перепалке; более ранняя смывка их дерьма, которое падало сквозь решетчатый пол на деревянный поддон, приносила недолгую прохладу от морской воды. Однако Зеб, похоже, к словам кока не прислушался.

Питер вздохнул: значит, придется жариться в этом пекле еще целый час. Между тем ослабевший узник уже едва дышал, и ему небольшой душ совсем не помешал бы.

– Эй, Зеб, достань воды, – раздался голос капитана, гросса Эрваста, того самого, который торговался с Густавом. Питер заметил, что капитана на галере боялись как огня, хотя он никогда не повышал голос – любой матрос исполнял его приказания бегом.

Послышался плеск упавшего за борт ведра, затем торопливые шаги, и, наконец, из-под решетчатого пола в ячейку попали освежающие брызги.

Питер прикрыл от удовольствия глаза, наслаждаясь короткими мгновениями прохлады, Крафт растер попавшую на ладони влагу по лицу. Неожиданно зазвенели цепи, узкая дверца в ячейку открылась, и в проеме показался сам капитан. Питеру показалось, что слегка выпученные глаза этого страшного человека смотрят прямо на него.

– Эй, ты, подайся в сторону, – негромко приказал капитан, и Питер вжался в стенку, поняв, что главного пирата интересует не он.

Находившиеся в ячейке узники затаили дыхание, ведь от одного слова главного пирата зависела их жизнь.

– Да, похоже, он уже не выкарабкается, – произнес капитан, не обращаясь ни к кому.

– Ну-ка, давайте его сюда – ты, молодой, тащи его сюда!

На этот раз капитан, без сомнения, обращался к Питеру, и он, не желая искушать судьбу, схватил ослабевшего узника за руку и стал торопливо подталкивать к дверце. Крафт и двое других рабов начали ему помогать.

Снаружи обреченного подхватил Зеб, и через мгновение легкое тело полетело за борт. Негромкий всплеск – и дверцу закрыли, ячейка снова погрузилась в полумрак, оставшиеся в ней с облегчением распрямили ноги – теперь места хватало.

Ни Питер, ни Крафт, ни другие узники не думали о том, что следующими могут оказаться они – это подразумевалось самим статусом раба, человека без имени, человека-вещи.

2

Капитан спустился в свою каюту и, подойдя к столику, вынул из медной оплетки стеклянную колбу с розовой водой, снял войлочную шапочку и брызнул на лысую голову несколько капель. Потом освежил лицо и бережно вернул колбу на место.

И сам сосуд, и его содержимое стоили немалых денег, хватило бы, пожалуй, на полдюжины хороших гребцов, но роскошь и комфорт были тем немногим, что помогало капитану Эрварсту мириться с жарой, немытыми матросами и жестокостью порядков на Савойском море. Здесь можно было взять хорошего «купца», набитого шелками и шоколадом, а на другой день стать жертвой пиратской флотилии гунсегов, орков с западного побережья, промышлявших на скоростных скрогах по всем торговым путям.

С императорскими галерами еще можно было как-то разойтись миром, выдав себя за добропорядочного купца, однако с орками приходилось драться – уйти от них, если уже те «сели на корму», никогда не удавалось. Спасало лишь то, что галера Эрваста имела команду из сорока человек да шестьдесят гребцов на нижней палубе. Разумеется, она проигрывала легким скоростным судам, зато команда могла отбиваться от врага, а судно при этом не теряло ход.

В схватках с гунсегами это было особенно важно, поскольку троих орков на палубе было достаточно, чтобы захватить всю галеру, они дрались каждый за десятерых.

В стойку перегородки дважды ударили – это был условный сигнал от Салима, помощника капитана, ведавшего порядками на нижней палубе. Видимо, у него было что сказать капитану, но Эрваст не отвечал, пауза затягивалась. Салим знал, что капитан его слышит, и в конце концов тот ударил в ответ, давая понять, что примет помощника с докладом.

«Что там могло случиться? Идем по течению – гребцы отдыхают...» – подумал капитан и, скинув мягкие юфтевые туфли, вытянулся на тахте. Потом потянулся и оглядел каюту. Она ломилась от излишеств – ковров, шелковых накидок, резных ларцов и шкафчиков, заставленных серебряными и золотыми статуэтками. Скорее так подобало бы обустраивать дамскую спальню, нежели жилище предводителя пиратов, но Эрваст провел восемь лет на скамье галеры, а до этого прожил десять лет в услужении у мукомола, поэтому тяга к богатой жизни и красивым вещам была в нем безгранична. При захвате трофеев он пропускал через свои руки каждую безделушку в надежде найти для нее место у себя в каюте, но там уже был заставлен каждый дюйм, и время от времени Эрварсту приходилось избавляться от шелков, мехов, дорогих халатов и громоздкой мебели, продавая их в очередном порту.

- Разрешите, хозяин? – спросил Салим, приоткрывая тонкую решетчатую дверцу.
- Заходи, – отозвался капитан, надевая шапочку и садясь на кушетке.

Получение доклада подразумевало и приличествующую позу. Эрваст держал своих людей в черном теле, однако демонстрировал им свое уважение. Иногда это ценилось дороже золотых дукатов, и за пять лет, что галера Эрваста бороздила Савойское море, у него было только два бунта, в то время как у других пиратских капитанов таких случалось по два за год.

Салим вошел и остановился возле двери – дальше была территория капитана.

- Кровавый понос, хозяин.
- Сколько человек?
- Четверо.
- Давно заметил?
- С ночи. Барабан первым определил – слишком часто до ветру отпрашивались.
- Где они?
- На палубе.
- Хорошо. За борт их, рисковать мы не можем.
- Как скажете, хозяин.

– Воду давай только из серебряной посуды и гребцам, и охранникам.

– Уже даю.

– Тогда – все.

Салим повернулся и собрался уйти, но капитан остановил его одной фразой:

– Ты, конечно, слышал о Голубом Суринаме?

Салим замер, словно парализованный змеиным укусом, затем медленно повернулся. Его лицо было перекошено сильнее обычной страшной маски, оставшейся после пережитого сабельного удара.

– Хозяин... но ведь это верная смерть... – произнес он севшим голосом.

– Почему – верная? – уточнил Эрваст. Мнение Салима было для него важно, ведь, объяви он команде о походе к Голубому Суринаму, почти неизбежно вспыхнет мятеж.

– Потому что никто не вернулся оттуда живым!

– Ты считаешь, что Голубого Суринама не существует?

– Нет, хозяин, как раз в его существование я верю. Мой земляк Йохим на галере капитана Сарьера доплывал до острова и видел его свечение, однако течение снесло их на запад. Йохиму я верю, но также я помню многих из тех, кто уходил к Голубому Суринаму и не возвращался.

Эрваст поднялся с кушетки и, подойдя к Салиму вплотную, спросил:

– Кто помешал им вернуться?

– Гунсеги, хозяин, они закрывают к нему все подходы!

– Можно подумать, Салим, это не ты стоял на борту и всаживал стрелы из барийского лука в борта их скрогов.

– Это совсем другое дело, капитан, за нами увязывались два-три скрога, а за Линией Луны их десятки, и все они ждут охотников за сокровищами Голубого Суринама! А еще эти чудовища – морские змеи...

– Откуда такие сведения? – усмехнулся Эрваст. – Йохим сказал?

– Нет, – смутился Салим, – моряки говорят.

– Моряки говорят... Слышал я, что они говорят, особенно после трех четвертей пива.

Эрваст прошелся по каюте и вернулся к молчавшему Салиму.

– Сколько ты собираешься сидеть на нижней палубе с пятью дюжинами вонючих рабов? Или того серебра, что я тебе даю, достаточно, чтобы осталось на безбедную старость?

– О старости я не думаю, хозяин, моряки до нее не доживают.

– Но раз и так все предопределено, почему не рискнуть? Рано или поздно орки вцепятся в нас по-настоящему, или падём под канонами имперских галер – нам не может везти бесконечно... А тут такая возможность, мы ведь ходим всего в двух недельных переходах от острова! Разве ты не замечал, что я вожу галеру все ближе к Лунному Поясу?

– Замечал. Но боялся говорить вам, хозяин.

– Я присматривался, Салим... – Эрваст быстро снял шапочку и промокнул лысину платком. – Я присматривался, я старался определить, как далеко мы можем продвинуться.

– Но морские змеи, хозяин! Они пожрут нас всех! – в панике закричал Салим.

– Заткнись!

Эрваст прижал ладонь к губам помощника и прислушался: как будто снаружи было тихо.

– Мы купим белых ягнят, и змеи пропустят нас...

– Но... орки...

– Я куплю второй канон и «горящие горшки», вот тогда и посмотрим, как горят скроги.

Салим замолчал, представляя себе, что из всего этого выйдет. Второй канон, конечно, дело хорошее, а уже если хозяин раскошелится на «горящие горшки», галера станет неприступной крепостью. Одного горшка со смесью достаточно, чтобы сжечь большую галеру, не говоря уже о скрогах. Это было новое оружие, и стоило оно немалых денег, однако хорошо снаряженная галера могла пробиться даже сквозь орков – те полагались только на крючья и мечи.

– У тебя будет своя галера, Салим, а может быть, и две. Разве не стоит ради этого рискнуть? Неужели лучше сдохнуть на нижней палубе во время бунта гребцов?

– Бунт гребцов? Но ведь вы исправили замок, хозяин, теперь его никто не сможет открыть!

– Я исправил замок, а какой-то раб придумает, как его снять. У них ведь много времени, и каждый думает о том, чтобы сбежать, а если не сбежать, то хотя бы выпустить кишки охранникам. И тебе, Салим, тоже.

– Но ведь у нас хорошая кормежка! Иногда я даже даю им фрукты!

Эрваст горько усмехнулся, вспоминая свою невольничью жизнь.

– Никакая кормежка не примирит человека с цепью и скамьей, Салим, они могут улыбаться тебе, заискивать перед тобой, но стоит нам зайти в Кармер или Досу, как замки могут оказаться открытыми, а гребцы бросятся душить цепями охранников.

Салим кивнул. Закон в Кармере и Досу не признавал рабства, и чтобы доказать свое право на раба, хозяину предлагалось схватиться с ним голыми руками. Нечего было и думать о том, что кто-то из рабовладельцев согласился бы на такое испытание, ведь руки у гребцов были как из железа.

Гребцы знали о законах Кармера и Досу, поэтому подгадывали бунты ко времени захода в эти порты, а хозяева, напротив, старались избегать их. Впрочем, бунт рабов был возможен в любых портах, и относительно защищенными от этой напасти рабовладельцы могли чувствовать себя только в открытом море.

– Ну так что ты скажешь? – спросил Эрваст, прислушиваясь к голосам матросов, которые растягивали для просушки новый парус.

– Я согласен, хозяин.

– Что ж, я в тебе не ошибался, – широко улыбнулся Эрваст и подал помощнику руку. Такой жест был нетипичен для хозяина, и Салим с чувством ее пожал, однако, когда он ушел, Эрваст тщательно вытер руку платком. Он предпочитал не касаться ничего, что напоминало бы ему о жизни на нижней палубе.

3

От духоты, царившей в синдоне, Питер был как в полусне. Мысли о бегстве, и те покинули его, не хотелось ничего, казалось, приди за ним сейчас палачи, он пошел бы с ними, даже не дрогнув.

Внезапно зазвенела цепь, и Питер встрепенулся, разом выйдя из забытья. Неужто правда палачи? Но за что?

Они с Крафтом обменялись тревожными взглядами.

– Отсиделись, теперь снова на скамейки, – обронил один из давнишних сидельцев, который знал здешние порядки.

– Выходи, дармоеды!

Поскольку Питер сидел к дверце ближе других, он осторожно высунулся наружу, но рослый пират схватил его за плечо и рванул на себя так, что узник свалился на палубу под радостный смех еще двоих пиратов.

– Ну-ка ты, Рванный, поосторожнее с ними, если не хочешь сам за весло подержаться! – прикрикнул на него появившийся Салим.

– А я чего? Он сам скопытнулся, ноги его не держат! – стал оправдываться грубиян и тут же помог Питеру подняться.

За первым узником выбрались и трое оставшихся, шурясь и прихрамывая – после долгого сидения ноги у них ходили плохо. Вдобавок палубы была так разогрета, что стоять на ней босыми ступнями было невозможно.

– Возьмите, прикройтесь, – сказал Салим, подавая узникам застиранные тряпки. Питер не знал, что с ней делать, но двое бывалых гребцов быстро «оделись» сами и показали, как правильно наматывать тряпки на бедра, пропускать между ногами и затыкать за пояс. Получалось что-то вроде коротких штанов.

– Пошли за мной! – скомандовал Салим, и все четверо двинулись следом. Поначалу Питер думал, что их ведут в трюм, однако это оказалось прогулкой вдоль борта галеры. За узниками следовали трое пиратов с кривыми мечами, чтобы рабы не подумали бунтовать.

Питер почувствовал себя значительно лучше, чем в синдоне. Горячие доски нестерпимо жгли ступни, зато набегавший морской ветер охлаждал тела узников и давал насладиться этой краткой свободой.

Убедившись, что рабы двигаются нормально, Салим повел их к трапу, ведущему на нижнюю палубу.

Питер спускался по нему третьим, после двух бывалых, и заметил, как они набирали полные легкие воздуха, как будто собираясь нырнуть.

Дюжина истертых ступеней трапа, затем двое охранников с неприветливыми взглядами – одна рука на рукояти меча, другая сжата в кулак. Они были готовы к любым действиям новичков и на глаз оценивали их, предугадывая, какие неприятности могут доставить эти гребцы.

За небольшим помещением, где стояли охранники, следовал короткий коридор с одной боковой дверью справа и выходом на нижнюю палубу.

В нос ударил резкий запах пота от шести десятков немых тел, и Питеру показалось, что здесь так же темно, как и в синдоне.

– Эй, Парнис, никак очухался? – крикнул кто-то одному из вернувшихся гребцов. – Мы без тебя скучали!

– Значит, дождались, – без особой радости ответил Парнис.

В дальнем конце казавшейся бесконечной нижней палубы Питер увидел еще двоих охранников, а перед ними на невысокой деревянной банке сидел человек с барабаном. Питер уже знал, что именно он носит прозвище Барабан.

С низкого потолка свисали крючья, на них, поперек палубы, были уложены весла. Они оказались довольно длинными – во всю ширину палубы. Пока судно тянуло морское течение, необходимости в них не было, но если бы пришлось идти против ветра, а еще хуже – бежать от преследователей, гребцы устанавливали весла в срубы.

– Ты – загребным на двенадцатую скамью, – начал распределять Салим, указывая место одному из бывалых. – А ты – загребным на седьмую...

– Хозяин, у нас уже есть загребной! – отозвались с седьмой.

– Нет у вас загребного, – отрезал Салим, который знал лучше, и подтолкнул второго бывалого к месту.

– Так, теперь совсем зеленые. – Салим посмотрел на Питера и Крафта, прикидывая, какой с них выйдет толк.

С одной стороны, они не выделялись ни особой статью, ни ростом, с другой – их спины были исполосованы плетью, а значит, порядок знали.

– Ты, Малой, пойдешь на одиннадцатый срединным, вместо Рыжего, а тот станет загребным.

– У меня руки коротки, ваше благородие! – стал жаловаться Рыжий.

– Ничего, сдюжишь, – отмахнулся Салим. Он хорошо разбирался в том, кто из невольников с какой работой лучше справлялся, поскольку находился на своем месте третий год.

Это только с виду все казалось просто – ори на них да бей кнутом, и станут грести, а на деле каждую тройку гребцов следовало притирать, а троек на галере было двадцать. Вот и побегай, послужи капитану Эрвасту. Да еще болеют гребцы кто поносом, а кто и взаправду – три дня в синдоне и за борт, а новых где взять? В крайних случаях на помощь приходила команда, для этого весельные оглобли оканчивались шишаками, на которые набрасывали кожаные петли. За эти петли тянули «четвертные» – четвертые гребцы, обычно члены команды или запасные гребцы, имевшиеся на больших – сорокавесельных и более – галерах.

– А ты, Солдат, давай основным – на восьмую скамью...

– А я в середку, хозяин? – ощерился щербатый гребец.

– Нет, Повитель, ты сядешь загребным, а Карась будет срединным.

Сделав все назначения, Салим обернулся к судовому кузнецу и кивнул, чтобы тот приступал к работе.

Питер дожидался своей участи, сидя между двумя гребцами. Кличка одного была ему уже известна – Рыжий, другой, со шрамом на лысой голове, следил через сруб за перекатом зеленоватых волн. Обоих он как будто видел впервые.

– Ну-ка... – произнес кузнец, отесняя Рыжего. Потом подвел под железную петлю подхват, ударил по его лапке и выдернул из петли замок – хитро изогнутую железку, которая удерживала цепь в петле.

– Оп! Разженили! – прокомментировал Рыжий.

Кузнец переставил его цепь на другую петлю, затем взглянул на Питера и усмехнулся:

– Не окольцованный еще, но у нас это быстро... Ну-ка встань!

Питер поднялся.

Помощник подал кузнецу цепь, тот обернул ее вокруг пояса нового гребца, свернул спереди в узел и оставшийся конец заправил в петлю. Сверху поставил новый замок и забил его коротким ударом.

– Все, Малой, поженили тебя! – произнес Рыжий и похлопал по деревянной скамье: – На деревяшке поженили, а ты небось раньше только на девках женился?

«Основной» отвлекся от созерцания волн и, вздохнув, добавил:

– Все одно пропадем мы здесь.

– Ладно тебе, Бычок, может, сбегем еще.

– Сбегешь ты... за борт, когда кровавый понос накатит, – с тоскою произнес Бычок и снова вздохнул, рассматривая свои жилистые, словно сделанные из веревок руки.

– Не жри гнилого хлеба и не задрISTAешь, это и к тебе относится, Малой.

– А это от хлеба бывает? – решил на вопрос Питер.

– Никто не знает, – признался Рыжий, и от его бравады не осталось и следа. – Может, от воды или от колдовства какого. Наш капитан не один скрог на дно пустил, опять же орки-гунсеги с западного побережья, где каждый ворожбу знает...

– Ты за веслом когда-нибудь сидел? – спросил Бычок, меняя тему. Видно было, что ему хочется отвлечься от тяжких дум.

– Нет, но за рогатку держался...

– А чего такое «рогатка»?

– Орудие такое, чтоб кавалерию сносить. Или еще для охоты.

– Где ж ты успел, малый такой? – удивился Рыжий.

– В казенных людях был и в солдаты попал.

– Ладно, Малой, неделю тебе на учебу, а потом спуска не дадим, – сказал Бычок, – нам за тебя кнута получать не надобно.

– А чему же здесь учиться? – спросил Питер, поудобнее устраиваясь на жесткой скамье и при этом звеня цепями. Для него это было непривычно.

– А вот, к примеру, заднице привычку нажить. Если до крови сотрешь задницу-то, можешь потраву подхватить и тогда вскорости за борт, такое уже случалось, – сообщил Рыжий.

Где-то на верхней палубе закричали, потом затопали, галера качнулась с борта на борт, и на нижней палубе тотчас наступила тишина. Все замерли, ожидая команды.

– Весло в сруб! – закричал от входа Салим. Загребные вскочили со скамеек и стали снимать с крюков весла, передавая их к срубам. В одно мгновение нижняя палуба наполнилась криками и стуком. Питер торопливо передавал весло Бычку, тот просунул его в окно, называемое срубом, еще несколько мгновений – и все гребцы оказались по местам, а весла замерли в воздухе по обоим бортам, готовые взбить пену по первой же команде.

Питер оглянулся на Крафта, тот подмигнул ему – дескать, где мы только не бывали.

И то правда, побывали много где и пока целые.

– Правый – дай! – закричал Салим, и десять весел по правому борту ударили по воде.

– Дай, дай, дай! – ускорил их Салим. Барабанщик не сводил с него глаз, ожидая, что начальник кивнет, и тогда ритм будет поддерживаться барабаном, однако пока судно маневрировало и Салим отдавал приказы из «колодца», в свою очередь, получая указания от самого капитана.

По палубе бегали матросы, готовясь отразить возможное нападение – слева показались две галеры, на полных парусах и веслах они двигались наперерез галере Эрваста. Капитан стоял у борта, силясь определить, кому принадлежат суда, но символы на парусах были замазаны мелом.

– Кто-то хочет обмануть нас... Борхель, полный парус!

– Слушаюсь, капитан!

– Салим! Средний темп, попытаемся уйти по течению...

– Есть, капитан!

В дело вступил барабан, начав четко отбивать темп, галера перестала раскачиваться и обрела устойчивость, однако неизвестные преследователи приближались.

– Сорок весел, капитан, нам от них не уйти, – заметил стоявший рядом с Эрвастом пират по кличке Пожар. Свое прозвище он получил за сокрушительные действия на палубах атакуемых судов. Пожар первым перепрыгивал на борт жертвы и принимался рубить охрану, отвлекая на себя все внимание и давая возможность остальным прорваться на борт.

– Парус – на борт! – потребовал Эрваст, нервно перебирая агатовые четки, больше он ничем не выдавал свое беспокойство.

До преследователей оставалось не больше сотни ярдов, скоро в дело должны были вступить лучники, а он все еще не мог определить, с кем имеет дело. Экипажи укрывались за бортами и парусом, однако их гребцы отбивали бешеный темп, и никто не беспокоился, что после такой гонки нижняя палуба поляжет вся разом.

– Как будто галера Базилерса, хозяин, – произнес Пожар, поглядывая из-под ладони на приближающегося противника.

– С чего ты взял?

– Две подшивы на борту совсем свежие, он их месяц назад в Порт-Барке менял. На рифы налетели.

– Но почему же никого не видно? У нас с Базилерсом никаких трений не было...

Набежало полкоманды – принесли старый парус и сбросили его с кормы, потом за веревки стали вытягивать на борт, намокший и потяжелевший, зато делавший борт судна невосприимчивым к зажигательным стрелам.

И хотя пираты редко поджигали суда, за которыми охотились, ведь в таком случае им ничего или почти ничего не доставалось, однако на всякий случай капитан Эрваст не пренебрегал никакими средствами защиты.

Наладив движение галеры, выбрался из своего погреба Салим, при нем уже был барийский лук, с которым он неплохо управлялся и мог достать до цели на расстоянии в двести ярдов. С близкого расстояния стрела барийского лука могла пробить борт скрога, отчего тот набирал воды и тяжелел. Борт сорокавесельной галеры был значительно толще, однако и у большого корабля имелись свои уязвимые места.

– Ну что, попробовать их? – спросил Салим, когда до преследователей оставалось каких-то пятьдесят ярдов.

– Давай, – кивнул Эрваст.

– Бей их, Салим! Бей! – закричали другие пираты, уже готовые к контрабордажу.

Салим растянул огромный лук и замер; на палубе чужой галеры по-прежнему никого не было, хотя кое-где над бортами выглядывали лохматые головы.

Щелкнула тетива, тяжелая стрела взвилась в воздух. Все затаили дыхание, гадая, куда она угодит, и мгновение спустя разразились криками радости – стрела пригвоздила к мачте парус судна-преследователя.

Тут уже его матросы не могли больше прятаться – их галера теряла ход и управление. Несколько человек выскочили из-за бортов и бросились к мачте. Чтобы им не мешать, из-за паруса вышли новые хозяева галеры, и их появление вызвало у команда Эрваста ужас.

– Молоканы, – прошептал один из пиратов, глядя на уродливых гигантов – орков из сырых и туманных западнобережных земель. Про них мало что знали, поскольку попадавшие к ним в плен назад не возвращались. Эти обитатели болот с ядовитыми испарениями были людоедами из сумерек, боявшимися солнечного света, но что-то изменилось в мире, и теперь они ухмылялись, безбоязненно стоя на самом солнцепеке.

– Бейте по ним! Все бейте по ним! – первым нарушил молчание капитан Эрваст. Он понимал, что в абордажном бою у него не будет никаких шансов: молоканы были сильнее орков-гунсегов, которые могли выпрыгивать из своих скрогов прямо на палубы галер. Чего же было ожидать от этих покрытых грязными лохмотьями чудовищ? Как далеко прыгнут они – на десять ярдов, на двадцать?

Два десятка пиратов принялись обстреливать противника из луков, однако на палубе галеры никого уже не было, а двое молоканов укрылись за надстройкой.

– Дайте огня! Несите огня, Балтус, Оперт! – распоряжался Эрваст.

На носу его галеры трое пиратов расчехлили канон и торопливо крутили ворота, взводя тетиву железного лука. Канон использовался для стрельбы каменной шрапнелью по команде противника и каменными ядрами по корпусу судна. Пробить его каменное ядро не могло, но от удара расконопачивалась обшивка и в корпусе появлялась течь.

Кок принес угляй, и от них стали разжигать обернутые просмоленными тряпками зажигательные стрелы – церемониться с преследователями капитан Эрваст не собирался.

Неожиданно послышался сильный удар и треск, Эрваст перегнулся через борт и увидел торчавший чуть выше ватерлинии дротик. Вне всякого сомнения, он пробил обшивку, и его наконечник теперь торчал на нижней палубе. Не успел Эрваст дать какие-то распоряжения, как из-за надстройки галеры противника вылетел еще один дротик и воткнулся на два фута ниже верхней палубы. Он угодил в шпангоут, отчего загудел весь корпус галеры.

Салим в ответ выпустил еще одну стрелу, целясь в надстройку, однако барийскому луку не хватило мощности, чтобы пробить обе стенки, и молоканы остались целы.

Зажженные стрелы разгорелись, и с полдюжины их одна за другой впились в борт галеры противника. Еще две угодили в парус, но он не загорелся.

С носа галеры Эрваста ударил канон, ядро попало в одно из весел и вышибло его из сруба.

– Отлично, молодцы! – похвалил их капитан, высматривая вторую галеру, которая пока пряталась за ближней.

Салим снова попытал счастья, и его стрела расщепила доску на надстройке вражеской галеры. В ответ прилетели два дротика и проделали еще две дыры в борту – к счастью, далеко от ватерлинии.

Салим сбегал на нижнюю палубу, чтобы посмотреть, целы ли гребцы, но там пока все было в порядке и барабан отбивал средний темп.

Когда между галерами осталось каких-то тридцать ярдов, их курс выровнялся, а затем преследователи стали увеличивать ход, чтобы выиграть полкорпуса для резкой смены курса и абордажного броска. Эрваст это понял.

– Салим, не давай им обойти нас!

– У них сорок весел, капитан!

– Хотя бы немного помешай им!

Салим убежал на нижнюю палубу, и вскоре барабан застучал чаще. Галеры стали идти нос к носу, но с судна Эрваста на преследователей продолжали сыпаться горящие стрелы. Они ударялись в раздутый ветром парус, однако, повисев на нем, падали, оставляя на полотне черные пятна.

– Почему он не загорается?! – в отчаянии кричал Эрваст. Он понимал, что спрятавшиеся за надстройкой молоканы готовятся начать абордаж – их топоры уже торчали над крышей надстройки.

Снова ударил канон, но из-за качки ядро перелетело через первую галеру и угодило в ту, что следовала за ней. Было слышно, как взревели от негодования несколько молоканов, на второй галере их оказалось больше.

Под прикрытием борта бывший экипаж Базилерса начал готовить абордажный мост – новый, сколоченный из витого вязового бруса. Эрваст такого никогда не видел, обычно абордажные мосты делали легкими, чтобы в любой момент повернуть туда, где противник не ждет нападения.

Одна из стрел настигла матроса-установщика, и тот свалился за борт, доказывая, что подневольные матросы молоканов уязвимы. На палубе преследователей что-то дымилось, однако открытого огня видно не было. Еще пять ударов веслами, и, несмотря на стрелы, противник приблизился на два десятка ярдов. Скоро весла галер должны были начать сшибаться и тормозить ход друг друга. Преследователям это было лишь на руку, у них имелась запасная галера,

а для Эрваста означало смерть или рабство. Впрочем, на нижнюю палубу он никогда бы не согласился – лучше в море.

– Гляди! – крикнул Эрваст, призывая команду к вниманию, и в тот же момент на носу вражеской галеры кто-то хлопнул по палубе доской. Все отвлеклись – всего на мгновение, но этого было достаточно, чтобы из-за пристройки выскочил молокан и, разбежавшись, ловко подпрыгнул на пружинящем мосту. Темный силуэт распластался в воздухе, летящий орк был похож на большую птицу.

– Пропали! – заголосил кто-то из пиратов, а Салим вскинул барийский лук и, не целясь, послал верную стрелу. Она с треском вошла в костистую грудину монстра, и тот рухнул на палубу головой вниз, прошибив своим весом настил верхней палубы и показавшись на второй разбитой мордой.

В это время к мостку бросился второй молокан, но теперь пираты не дремали: прежде чем тот успел оттолкнуться, в него вонзилось с десяток стрел, и молокан с ревом свалился через борт на весла. Преследователи потеряли ход, галера Эрваста как будто стала отрываться от погони, однако это только казалось: за схваткой с двумя молоканами Эрваст и его команда совсем забыли о второй галере, которая набрала ход под прикрытием первой и как будто выпрыгнула из ее тени сразу к бортам жертвы.

Предотвратить столкновение было уже невозможно, с выскочившей галеры полетели крючья и стрелы – на палубе второго судна оказалось не менее двадцати молоканов.

– Порвем им, порежем! – истерично закричал Пожар, распаляя себя перед схваткой. Несколько веревок с крюками удалось срезать, но взамен прилетели полдюжины новых. Еще немного – и весла ударились друг о друга, упали мостки, и команды двух галер бросились друг на друга.

4

Новая работа была Питеру непривычна, но он изо всех сил пытался помочь своей тройке и слушал барабан. Поначалу казалось, что держать ритм просто, но потом он поймал себя на мысли, что барабана совсем не слышит, а вместо этого старается разобрать доносившиеся с верхней палубы голоса.

Должно быть, что-то там было не в порядке: капитан давал отрывистые команды, матросы метались с кормы на нос и с борта на борт. Потом возле кормы громко плеснула вода и по борту что-то зашуршало.

– Ну вот... – отрывисто проговорил Рыжий. – Парус мочат.

– А зачем?.. – тут же спросил Питер.

– Тяни весло, не спрашивай! – приказал Бычок.

– Должно, опять... скроги привязались... – ответил Рыжий обыденно, и Питер стал успокаиваться. Видимо, угроза была совсем незначительна.

«Лучше грести, лучше учиться правильно грести, – начал внушать себе Питер. – Вот только задница совсем онемела... Но я привыкну, обязательно привыкну и... потом сбегу».

Задвигающимся силуэтом Бычка в срубе что-то мелькнуло, Питер не удержался, чтобы не посмотреть, но едва не получил по лбу весельной оглоблей.

Выбрав момент, он все же выглянул и увидел взбивающие воду весла чужой галеры. Вне всякого сомнения, это был враг капитана Эрваста, а значит, и его, Питера, враг, ведь если галера пойдет на дно, с ней уйдут и все шестьдесят прикованных к петлям гребцов.

– Не верти башкой! – прикрикнул Бычок, и в поддержку его слов по спине Питера хлестнула плеть надсмотрщика.

– Гроби, щенок, а не то полетишь за борт!

Питер зажмурился, ожидая новых ударов, но надсмотрщик ушел, оставалось только налегать на весло.

Суета и крики на верхней палубе все усиливались, затем раздался неожиданный удар, и футах в трех от Бычка из обшивки показался наконечник острого оружия.

– Вот это привет! – нервно воскликнул Рыжий. – Должно, из канона пустили!

«Бум!» – загудело судно от нового удара.

– В шпангоут врезали! – прокомментировал кто-то.

– Всем заткнуться! Работай веслами! – закричал надсмотрщик и забежал по проходу, бросая на гребцов яростные взгляды. Однако все внимательно прислушивались к тому, что происходит наверху: похоже, кто-то крепко взялся за галеру Эрваста.

Один за другим в борт галеры врезались еще два дротика, они никого не задели, но их острые жала торчали из обшивки на добрый фут. Спустя мгновение по трапу сбежал Салим.

– Все целы? – спросил он.

– Целы, начальник! – почти хором ответили гребцы. Салим убежал, но вскоре вернулся и хриплым голосом потребовал увеличить темп. Барабан застучал чаще, надсмотрщик побежал вдоль троек, замахиваясь плетью и крича, чтобы гребцы шевелились. Впрочем, его угрозы были излишни, все и так понимали, что дело худо, а «основные» возле срубов видели, что рядом идет сорокавесельная галера.

Новый темп оказался Питеру не по силам, у него еще не было необходимого навыка, поэтому Рыжий и Бычок работали за троих.

– Брось... Палку отпусти... – выдохнул Рыжий, поскольку новенький с его попытками помочь только мешал им. Питер это понял, и, едва он отпустил весло, раздался такой грохот, что показалось, будто падает вся верхняя палуба. Однако палуба уцелела, но в ней образовался пролом, из которого торчала половина тела жуткого чудовища.

– Молоканы... – выдохнул кто-то.

– Грести, дармоеды, грести! – перешел на визг надсмотрщик, перепуганный не меньше других.

Питер в ужасе уставился на монстра. Голова гиганта была величиной с огромную тыкву, приплюснутые черты лица еще более смялись от удара о палубу. Из открытых ран струилась тягучая коричневая кровь, а из оскаленной в предсмертной муке пасти торчали клыки.

Одна рука молокана свисала почти до настила, и на пальцах его огромной пятерни были обломанные, похожие на звериные, когти.

«Надеюсь, с живыми такими я никогда не встречусь», – подумал Питер, напрочь забыв про усталость и натертый на скамье зад.

Другие гребцы тоже смотрели на чудовище; было все еще не ясно, мертво оно или сейчас откроет глаза и полезет в пролом, чтобы сожрать прикованных узников. Страшно.

– Страшно, – произнес Питер.

«Страшно», – повторило чудовище и, открыв глаза, ухмыльнулось разорванным ртом. Питер встряхнул головой, и наваждение ушло.

– Прор...вемся!.. – попытался приободрить его Рыжий, и в этот момент сверху стали доноситься громкие крики.

– Абордаж! – высказал догадку Бычок и покосился на сруб, следя за тем, как приближаются весла другой вражеской галеры. – Хорошо идут, мерзавцы!

Эта гонка длилась совсем недолго, скоро весла скрестились, и грести стало невозможно, наверху затопали, закричали, и началась свалка. Зазвенели мечи, заревели молканы, было слышно, как ухают по надстройкам их топоры и молоты.

Оставив гребцов, охранники бросились на верхнюю палубу, чтобы помочь своим, однако тщетно – сражение быстро шло на убыль, торжествующие выкрики молканов свидетельствовали о том, что они одерживают победу.

На нижней палубе молчали, готовясь к смерти, и только барабанщик продолжал неистово отбивать ритм.

Вскоре наверху стало тихо, под чьей-то тяжестью заскрипели ступени трапа, и спустя мгновение из «колодца» на нижнюю палубу вышел первый из молканов.

На его уродливом, забрызганном кровью лице играла снисходительная улыбка победителя, в одной руке он держал окровавленный топор, а в другой – шапочку капитана Эрваста. Чтобы войти в проход между скамьями, ему пришлось пригнуться – монстр был на три головы выше обычного человека.

Следом за первым спустились еще двое молканов. Питер был единственным, кто пытался рассмотреть их лучше, остальные гребцы сидели, потупившись в пол, в надежде, что на них не обратят внимания. В конце концов, тем, кому была нужна галера, пригодились бы и гребцы.

И только обезумевший барабанщик продолжал удерживать высокий темп, выполняя последний приказ Салима.

Молкан с топором обошел свисавшие с потолка останки своего товарища и двинулся к барабанщику, который при виде монстра все ускорял ритм, как будто надеялся этим защитить себя.

Вот молкан навис над барабанщиком, гребцы затаили дыхание, ожидая кровавой развязки. Орк взмахнул рукой и сорвал голову несчастного. Стук барабана прекратился, молкан под хохот двоих собратьев двинулся обратно, поигрывая новым трофеем и орошая деревянный настил кровью.

Вскоре они поднялись на верхнюю палубу, и гребцы остались одни, не веря, что остались живы.

– Обычно орки убивают всех людей... – сообщил озадаченный Бычок. – Так поступают даже гунсеги, а уж молоканы...

– Значит, мы им нужны! – с надеждой произнес Рыжий.

– Теперь у нас новые хозяева, – сказал кто-то сзади.

Питер обернулся, Крафт встретился с ним взглядом и подмигнул, хотя выглядел очень бледным.

В потолочной пробоине дернулось тело, последовал рывок, и в освободившуюся брешь полился солнечный свет, а тело спустя мгновение ухнуло в воду рядом с бортом.

– Вот и все похороны, – покачал головой Рыжий. – Павшие герои у них не в чести.

Вслед за убитым молоканом за борт стали падать тела пиратов – новые хозяева рассчитали палубу.

5

В этот день гребцов не кормили, по верхней палубе кто-то ходил, велись разговоры на непонятном языке, эти голоса, скорее всего, принадлежали молоканам. Пару раз они заглядывали на нижнюю палубу через пролом, и тогда гребцы замирали. Под вечер пришел незнакомый кузнец, перепуганный, с исцарапанным лицом, и молча оставил молот и обечайку, с помощью которой можно было расковаться.

– Это чтобы сами в отхожее место ходили, – догадался один из гребцов и принялся себя расковывать. Освободившись, отдал инструменты другому, а сам побежал по нужде.

Один за другим вскоре освободились все гребцы, однако они понимали, что это никакая не свобода, просто присматривать за ними было некому.

На воду решили установить строгую норму, ведь никто не знал, скоро ли пополнят запас новые хозяева. А выйти наверх и спросить молоканов никто не решался, уже то, что гребцы еще дышали, было большой удачей.

У Питера появилась возможность поговорить с Крафтом, и они общались вполголоса, то и дело поглядывая на дверь «колодца» и в пролом в верхней палубе.

– Что, думаешь, с нами будет? – спросил Питер.

– Наверное, загонят до смерти, – со вздохом сказал Крафт. – В порт нас не повезут, им куда-то плыть надо.

Спать легли, едва спустились сумерки, постелью стал настил, забрызганный кровью барабанщика, да своя рука под головой. Другой рукой Питер придерживал цепь, что опоясывала его, снять ее он не решался, ведь Рыжий, Бычок и другие тоже ходили перепоясанными, опасаясь показаться новым хозяевам излишне дерзкими.

На другой день с самого утра на палубе началось какое-то движение.

– Должно, перегружают чего-то, – предположил Рыжий, поглядывая на пролом. Галера, с которой вчера атакowali судно Эрваста, находилась совсем рядом, было слышно, как скрипывают наведенные с нее мостки.

Причина этого шума вскоре стала понятна – пара незнакомых матросов, столь же перепуганных и немногословных, что и вчерашний кузнец, спустила на нижнюю палубу бочку со скверно посоленной рыбой и два джутовых мешка с земляными орехами.

После голодных суток эта еда была принята с благодарностью, гребцы разобрали рыбу, но много не ели и вскоре половину вернули обратно в бочку – рыба воняла. А вот орехи пришлось кстати, должны быть, их сняли с какого-нибудь «купца».

Целый день галера дрейфовала на солнцепеке в сцепке с другой галерой. На нижней палубе дремали, здесь было прохладней, чем наверху. Питер поспал с полчаса, потом сходил в нужник и, вернувшись на скамью, принялся вспоминать, как жил с дядей в Гудбурге, как учился в малкуде. Теперь это казалось ему жизнью другого человека, настолько сильно все переменялось.

«Для чего я живу, если все так плохо? Наверное, по привычке. Я привык жить и выживать».

Очередная ночь прошла в дрейфе вместе с сорокавесельной галерой, наутро опять принесли рыбу и орехи, хотя вчерашние еще не кончились, но отказываться никто не стал, невольники лучше других знали, что запас никогда не помешает.

Еще до обеда стали поднимать парус, было слышно, как рычит на малочисленных матросов какой-то молокан. Скрипнув, заработал руль, галера качнулась и пошла поперек волн.

– Наконец-то, – с облегчением выдохнул Бычок. И он, и остальные гребцы с охотой приняли бы прежние порядки с кормежкой по часам и понятными действиями охраны. Сейчас все пребывали в состоянии неопределенности, и это было самое тяжелое.

6

До следующей ночи еще дважды меняли курс, и приходилось ненадолго вставать на весла. Командовать приходил какой-то матрос, однако голос он имел слабый, дрожащий, и за скрипом весел и ритмичным дыханием шестидесяти гребцов его было почти не слышно. Однако работа была в радость, за годы неволи гребцы привыкали к ней и без весла чувствовали себя, как застоявшиеся лошади.

К ночи стало ясно главное направление – галера шла на юго-восток, в открытое море. До самого утра шли на парусе – Питер дважды просыпался и слышал шуршание волн, когда они перекачивались вдоль бортов галеры.

Второй день плавания с новыми хозяевами не принес никаких новостей, правда, с утра вместо рыбы появились два мешка мелкой брюквы – овоща в этих местах довольно редкого.

Вторая галера держалась неподалеку, иногда ее можно было разглядеть в окошко сруба. После завтрака гребцы прогуливались по настилу, негромко переговариваясь и понемногу успокаиваясь, никакой опасности для себя они пока не видели.

Так продолжалось целую неделю – ночью шли под западным ветром, наутро завтракали и садились за весла, чтобы выправить набранное за ночь курсовое смещение. На восьмой день путешествия встали на якорь у отмелей, где уже находились несколько галер.

– Кто там на них? – спросил Рыжий у Бычка. Тот только отмахнулся, из чего Питер сделал вывод, что хозяева всех галер молоканы.

На якоре простояли часа два, становилось так жарко, что невозможно было находиться даже на нижней палубе, не то что наверху. Вдруг посреди сонной полудремы послышалось блеяние.

Поначалу Питеру показалось, что он бредит. Это было неудивительно при такой-то жаре, однако, открыв глаза, он заметил, что и другие вертят головами, пытаясь понять – не бред ли это.

– Как будто овцы, а? – спросил Рыжий. – Бычок, чего там?

Бычок выглянул в сруб и, зевнув, сообщил:

– К нам лодка-полторушка идет, за веслами люди, а в лодке клетки с маленькими белыми барашками.

– С ягнятами, что ли? – спросил кто-то с другого борта.

– Точно, беленькие такие...

– Так это же... – От другого борта поднялся рослый заgreбной. – Они же нас на верную погибель тащат! На Голубой Суринам, братцы!

– Да с чего ты взял, Лаврик? – пытались одернуть его товарищи.

– А с того, что этими белыми ягнятами от морских змеев откупаются, чтобы те на остров пропустили!..

На нижней палубе воцарилась тишина. Морские змеи были самой популярной страшилкой среди моряков, и хотя очевидцев, видевших этих чудовищ, никто не знал и все свидетельства сводились к рассказам «брата свояка соседа», в существование кровожадных морских змеев верили все.

О Голубом Суринаме также слышали многие, об этом сказочном острове мечтали многие капитаны Савойского моря. Сидя за кальянами в тенистых садах приморских городов, они могли часами обсуждать усыпанные жемчугом берега и заваленные золотыми слитками горные разломы, россыпи крупных рубинов на дне сбегавших в море ручьев и забытые под соснами горки изумрудов.

Было известно много способов проскользнуть на Голубой Суринам, отведя глаза морским чудовищам, однако вернуться обратно было уже не так просто – отяжелевшие от сокровищ галеры становились медлительными и отправлялись мстительными змеями на дно.

За долгие годы было множество попыток – удачных и не очень – пробраться на остров. За это время скопилось множество сведений и карт, которыми в портах торговали даже оборванцы. Однако состоятельные люди шли за картами к известным навигаторам, у которых хранились экземпляры даже двухсотлетней давности. Эти считались наиболее правдивыми, но и стоили они полновесного золота.

7

С этого дня настроение гребцов изменилось, их не радовали ни послабления, ни дополнительная еда – помимо орехов и рыбы они теперь получали инжир и козий сыр. По ночам, когда судно шло под парусом, многие просыпались и прислушивались к шелесту волн, опасаясь, что где-то поблизости уже кружит морское чудовище.

Блеяние ягнят, которых разместили на верхней палубе, спокойствия в такой обстановке не прибавляло и звучало как напоминание о предстоящих испытаниях.

Через пару недель плавания под флагом новых хозяев один из них снова посетил нижнюю палубу. Это случилось сразу после обеда, во время короткого перерыва, к которым уже привыкли раскованные узники.

Скрип ступеней заставил всех обернуться – из «колодца» выглянул косматый молокан и, выждав, шагнул на деревянный настил.

Гребцы затихли и опустили глаза – встретиться взглядом с этим чудовищем никто не решался. Гулявший по нижней палубе сквозняк доносил исходившее от засаленных тряпок молокана зловоние. Трудно было разобрать, во что именно он одет – поверх истлевающих штанов и рубак этот орк надевал новые трофеи. Его нижняя челюсть выдавалась далеко вперед, обнажая кривые желтоватые клыки. Развитые надбровные дуги придавали лицу излишнюю строгость, а подвижные брови – переменчивость выражения.

Обувь орк носил простую – что-то вроде коротких морских сапог, но пошитых значительного грубее. А единственной прилично выглядевшей деталью во всем его облике был широкий изогнутый меч в добротных ножнах.

Пройдя через всю палубу, молокан повернулся и, подождав мгновение, вернулся к трапу и поднялся наверх.

Гребцы с облегчением перевели дух – и на этот раз никого не сожрали, хотя за молоконами была закреплена слава людоедов.

До вечера гребли не останавливаясь, спустившийся с палубы матрос взялся держать темп голосом, но так частил, что люди начали роптать. Охрипнув, он ушел, и тогда стали держать счет сами.

Когда объявили «ночь», уснули все разом, будто провалились в забытье. Питер немного поворочался на дощатом настиле, выбирая удобную позу, – у него с непривычки побаливали мышцы. В конце концов он уснул и даже видел какие-то сны, не связанные с его теперешним положением. Вроде бы что-то про малкуд, где он учился, но даже во сне Питер понимал, что видит сон, и от этого хотелось плакать.

Он проснулся от собственных слез: они обильно текли по лицу и капали на дощатый настил. Шмыгнув носом, Питер сел и огляделся – вокруг все спали, но привычного шелеста волн, когда галера шла по морю под парусом, слышно не было. Полосы неправдоподобно яркого лунного света проникали в срубы и большой пролом в потолке. Галера слегка покачивалась, и было слышно, как поскрипывает, натягиваясь, якорная цепь.

Питер стал прислушиваться, ему показалось, что он слышит какой-то мелодичный звон, словно кто-то роняет камешки в стеклянную конфетницу. В богатом доме дяди было много стеклянной посуды, и в детстве Питеру нравилось стучать по звучащим вазам серебряной ложечкой.

Придерживая свою цепь, чтобы не звенела, Питер стал пробираться к «колодцу» по нужде. Нужник находился на лунной стороне галеры, и из него странный звон слышался еще отчетливее.

Справив нужду, Питер толкнул стоявшее на подоконнике узкого сруба ведро. Оно упало за борт, плеснув так громко, словно в воду свалился человек. Питер подивился такому явле-

нию, но решил, что это из-за штиля, который образовался на море, недаром же они стояли на якорь, вместо того чтобы плыть под ветер.

Ухватившись за веревку, Питер стал подтягивать ведро. Застучал, закрутился деревянный блок, помогая поднимать груз, но внезапно ведро как будто зацепилось. Питер дернул раз, другой, но высвободить его не получалось. Бывало, на него наматывались водоросли, но стоило стравить пару футов и снова дернуть, как травянистая канитель разрывалась, однако сейчас ничего не помогало: что-то крепко удерживало ведро, не давая втащить его в сруб.

Питер не успел еще испугаться, как ведро освободилось и пошло. Вот оно уже в срубе – Питер привычно слил его на отхожий трап и, не слишком задумываясь о случившемся, вышел в «колодец».

Постоял, глядя на затянутое туманной дымкой ночное небо, из которой лунный свет свивал длинные золотистые нити.

«Чудно», – подумал Питер, удивленный такой невиданной красотой. Нити переплетались, гасли и загорались с новой силой.

Питер не заметил, как поднялся на две ступени трапа, желая увидеть больше. Он уже поймал себя на этом и хотел поскорее вернуться на нижнюю палубу, когда заметил краем глаза большую тень. Она пронеслась неслышно, но ветер от нее рванул плохо подвязанный парус. Где-то ударила дверца, скрипнула якорная цепь, и снова стало тихо.

«Что это было?» – спросил себя Питер. Ему вдруг показалось, что, кроме гребцов, на судне никого нет. А вдруг их бросили? Но зачем?

Он снова ступил на трап и стал подниматься, стараясь ступать так, чтобы доски не скрипели. Еще немного – и он смог осторожно выплывать на верхнюю палубу.

Света от луны было достаточно, чтобы осмотреться – здесь повсюду царило разрушение. Почти все настройки были снесены, а доски от них либо забрали, либо выбросили за борт. Возле левого борта валялось какое-то тряпье, наверное, забытое временной командой перепуганных моряков.

Тут же валялись несколько мешков с орехами, черепки от горшков. Очевидно, порядок на этом судне молоканов не интересовал, а сорокавесельной галеры нигде видно не было.

«Они нас действительно бросили!» – поразился Питер, уже смелее поднимаясь по трапу.

Он прошелся по палубе, немного пьянея от кажущейся свободы. Неужели конец рабства и можно, подняв парус и якорь, вернуться к вольной жизни?

Снова зазвучавший мелодичный звон заставил Питера вернуться к реальности. Он подошел к правому борту и, взглянув на луну, замер. В ее сонных, струящихся лучах парили десятки морских змеев. Они почти не двигали своими не слишком развитыми крыльями и, опустив длинные хвосты, висели над морской гладью, уставив морды на луну.

Время от времени кто-то из них срывался и, сложив крылья, стремительно летел вниз, чтобы почти без брызг исчезнуть в темной воде, но спустя мгновение выныривал и снова поднимался к остальным, чтобы опять обездвиженно повиснуть на лунных лучах и искриться серебристой чешуей. Должно быть, волшебный звон исходил от этих прекрасных и в то же время ужасных существ – Питер знал, что одного удара хвоста змея достаточно, чтобы развалить галеру надвое.

Очарованный и перепуганный, он стоял и не знал, что предпринять – закричать и поднять своих собратьев по несчастью, чтобы ударить веслами и уйти назад, в море, или оставить все как есть – кто знает, что предпримут морские змеи, если что-то потревожит их?

– Что это такое? – прошелестел позади севший от страха голос.

– Это морские змеи, Крафт, – узнал товарища Питер.

– Но что они делают?

– Они пьют лунный свет, – уверенно заявил Питер, хотя понятия не имел, что именно делают эти существа.

Крафт замолчал, проникаясь значительностью увиденного. Немногие из смертных могли поведать о таком приключении.

– А где молоконы? – спустя несколько минут поинтересовался Крафт.

– Не знаю, когда я сюда пришел, никого уже не было. Сначала я подумал, что нас бросили, но теперь полагаю, что причины тут иные...

– Какие же?

– Они проверяют, не сожрут ли нас змеи, чтобы завтра с утра получить ответ – двигаться дальше к Голубому Суринаму или отступить. Поверь мне, Крафт, они бы ни за что не оставили нас в живых, если бы решили просто бросить.

– Да, я согласен с тобой, Питер. – Крафт встал рядом и посмотрел на освещенное луной лицо товарища. – Ты как будто изменился.

– В чем же? – спросил Питер, не в силах оторваться от созерцания парящих змеев.

– Ты стал иначе говорить... Смелее, что ли.

– Наверное, это оттого, что нас сейчас никто не охраняет, – пожал плечами Питер. – Давай не станем возвращаться на нижнюю палубу и ляжем здесь, у борта.

Он указал на оставшиеся на палубе тряпки.

Рядом с галерой раздался громкий всплеск, судно закачалось на пробежавшей волне.

– Нет, Питер, нужно вернуться. Если молоконы застанут нас здесь, бросят на корм змеям.

– Пожалуй, ты прав.

8

Пара лошадей из последних сил тянула отяжелевшую от пыли кибитку. За ней едва плелись две нагруженные поклажей лошади – еще вчера они имели седоков, но сегодня даже возницу хозяин заменял сам, обстоятельства вынудили его избавиться от этих троих.

Его собственные силы были на пределе, он не знал, как поступить в следующую минуту, не говоря уже о более далеких планах. Ситуация заставляла Карцепа и его спутницу двигаться по проселочным дорогам, избегая трактов, на которых теперь встречалось множество разбойников. Это были уже не прежние малочисленные шайки воров: по дорогам провинции сновали отряды туранов, прибывших из-за реки Тивир.

По договору с императором Рамбоссой Лучезарным туранский тиран Шарындасай получил право собирать дань между Арумом и Гойей, и теперь на всей территории южных провинций империи поднимались черные столбы дыма: вместо дани тураны собирали иную повинность, они разоряли города и деревни, освобождая территорию для прихода новых хозяев этой земли – орков-молоканов из Хиввы.

Пять недель назад Карцеп выехал из Дацуна с дюжиной охранников и пятью кибитками, потом были две схватки на дороге и недельное бегство через степь и пески. Тураны здесь были повсюду. Карцепу самому приходилось брать меч в руки, поскольку охранники падали с лошадей быстрее, чем он успевал их пересчитать.

Но туранов Карцеп не боялся, устоять против него не мог ни один смертный, а если их было много – что ж, тогда ему требовалось лишь чуть больше времени. В этих схватках Карцеп крепчал, вспоминая былую силу и собственное предназначение. И чем больше он вспоминал, тем более странным ему казались собственные поступки – куда и зачем он вез эту женщину? Кто она, зачем она рядом с ним?

Нет, разумеется, он помнил свой эксперимент, когда ему хотелось узнать, каково это – быть смертным, иметь множество чувств, слез, разочарований, смеха, счастья. Он попробовал и был так очарован, что не удержался от того, чтобы не испробовать любовь. Кто же предполагал, что на его пути встанет не просто женщина – раба мужчины и хозяйка домашнего очага, а ведьма Юлия, оказавшаяся к тому же проводником испепеляющей Хиввы?

Десятилетия пронеслись, словно сны сумасшедшего, маг Карцепос превратился в смертного Карцепа, неизменно угождавшего ненасытной Юлии. Ей хотелось вечной молодости, и он придумывал заклятия, вылавливал жертв для кровавых подношений духам разрушения, чтобы те пощадили, дали новую отсрочку для дряхлеющего тела Юлии.

Сам того не заметив, Карцеп забыл, кем был когда-то, и без счета тратил силу на прихоти ведьмы. Только теперь, на пыльной дороге южной провинции, под ударами преследователей он как будто вдохнул свежего воздуха и взглянул вокруг другими глазами. Случись это вчера – и двое последних охранников и погонщик остались бы живы, но он уже принес их в жертву духам, чтобы хоть немного освежить черты стареющей Юлии.

Кибитка вкатилась во двор старого постоялого двора, выглядевшего так, будто его давно забросили, однако Карцеп чувствовал, что здесь еще теплится жизнь. Он уже сталкивался с подобной маскировкой, когда хозяева не восстанавливали постройки после набегов туранов, чтобы те думали, будто пожить в этих местах уже нечем.

– Что такое? Почему мы остановились? – проскрипела Юлия сквозь прикрывавшее ее лицо покрывало. Сейчас она выглядела как сорокалетняя женщина, но и этого ей, вечносемнадцатилетней, казалось мало.

– Нас ждет Хивва! Я припаду к священной Каиппе, и Хивва простит меня! Живее гони лошадей, мы опаздываем!

– Уймись, – буркнул Карцеп и, бросив поводья, сошел на землю. – Лошадям нужен отдых, кормежка и вода. Если они падут, тебе придется идти к Хивве пешком.

Юлия зарычала и забилась в кибитке так, что лошади стали храпеть, как будто почуяли шакала.

– Вы с добром к нам, господин? – спросил высунувшийся из пролома в стене трактирщик.

– Да, милейший, я заплачу серебром. Примите лошадей, к утру они должны быть в полном порядке.

– Конечно, господин, – кивнул трактирщик, выбираясь из пролома. – Ульмар, Олафут, выходите!

Из-за угла показались двое рослых селян, угрюмо глядевших из-под косматых бровей. Один был вооружен вилами, другой самодельным кистенем.

– Забирайте лошадей, а я провожу господина в покои, – распорядился трактирщик и, улыбнувшись новому постояльцу, добавил: – У нас тут кое-что еще осталось.

– Я не один, там, в кибитке, женщина.

– Женщина? Ваша жена, господин?

– Э-э... – Еще вчера Карцеп ответил бы утвердительно, но теперь в нем что-то переменилось. – Нет, просто знакомая, дальняя родственница. Она больна...

– Она ходит, господин? – спросил трактирщик, заглядывая в темноту кибитки.

– Юлия, тебе нужно сойти.

– Я останусь здесь! – резко выкрикнула та, чем напугала лошадей и трактирщика.

– Иди сюда, дорогая... Дай мне руку. – Карцеп попытался дотянуться до закутанной в тряпки Юлии, но она неожиданно укусила его, да так, что на пальцах проступила кровь.

«Если ей не полегчает, я ее убью», – пообещал себе Карцеп и почувствовал от этого необыкновенное облегчение. Он даже засомневался: может, сделать это прямо сейчас, однако, почувствовав взгляд трактирщика, взял себя в руки и, встав на ось колеса, схватил Юлию за одежду.

Не дожидаясь протестующих воплей, свободной рукой он отвесил ей оплеуху. Юлия зашипела, как кошка, однако позволила снять себя с телеги.

– Этот человек проводит нас в комнаты, чтобы мы могли отдохнуть, поэтому води себя прилично, – отчитал ее Карцеп, не обращая внимания на злые слезы, наполнявшие глаза Юлии.

Первый работник уже увел за угол лошадей с поклажей, второй, подождав, пока сойдут хозяева, потянул туда же запряженную в повозку пару.

Трактирщик нырнул в пролом и, поклонившись оттуда Юлии, сделал приглашающий жест, всем своим видом демонстрируя радушие. Дождавшись, когда она, подобрав края одежды, двинется за трактирщиком, Карцеп пошел следом.

Небольшая тропинка, натопанная поверх обломков саманного кирпича, привела их к скрытым в высоком кустарнике постройкам.

Трактирщик распахнул крашенную глиной дверь и пропустил вперед Юлию, сказав:

– Прошу вас, госпожа.

Карцеп опасался, что та снова устроит скандал, однако его спутница покорно вошла в просто обставленную чистую комнату и опустилась на обшитую овечьими шкурами тахту.

Карцеп вошел следом и огляделся. Саманные стены были побелены изнутри и хорошо держали прохладу. Пара старых шкафов, накрытая ковром скамья, выскобленный стол и скрученные шерстяные одеяла на заменяющем кровать возвышении.

– Мне здесь нравится, – признался Карцеп и подал хозяину несколько медных монет. – Это аванс.

Трактирщик поклонился и смиренно принял медь, хотя рассчитывал, что постоялец заплатит вперед.

– Я принесу вам чай, свежий мед и хлеб. Баранина будет позже – мясо мы готовим только для постояльцев.

– Много постояльцев? – спросил Карцеп, выглядывая в узкое, не больше бойницы, оконце.

– С севера почти никого – за полгода вы единственный, а вот с юга бегут. Говорят, возле Арума жить невозможно, тураны губят людей без повода.

– М-да, нехорошо это, – покачал головой Карцеп, хотя участь каких-то людей его мало интересовала. – Ну ладно, несите свой чай, хочется освежиться.

– Уже иду, господин...

9

Трактирщик ушел, Карцеп закрыл дверь на задвижку. Потом снова оглядел комнату, его взгляд уперся в неподвижную фигуру Юлии.

– Ты можешь лечь на одеяла, дорогая, путь был не близок, и ты устала. Если хочешь, я прикажу принести ширму, за ней тебе будет спокойнее.

Юлия лишь зашипела в ответ, не желая разговаривать.

Карцеп хотел проверить мягкость одеял, но, сделав шаг, почувствовал за спиной чье-то присутствие. Резко обернувшись, он увидел стоящего в углу незнакомца в низко опущенном на лицо черном капюшоне.

Карцеп выхватил из-за пояса короткий меч, однако тотчас заметил слева второго незнакомца.

– Нас предали! – завизжала Юлия и, выпустив когти, бросилась на того, что стоял в углу, однако его ответ был страшен: одежды Юлии с треском разошлись на длинные ленты и рука незнакомца, словно трезубец, прошла сквозь тело ведьмы, а затем отшвырнула его прочь.

Вспомнив силу, Карцеп атаковал сам, пытаясь рассечь существо прищельца косым заклинанием. Однако оказалось отсутствие практики, и противник ускользнул Карцепу за спину, а второй резким возгласом вышиб из руки Карцепа меч.

Прыгнув в освободившийся угол, Карцеп скрестил на груди руки и усталый взгляд в пол, закрывшись от дурных воздействий и собираясь с силами. Было ясно, что на него напали маги, но он не собирался сдаваться, желая противопоставить им все, что помнил.

Карцеп пытался остановить собственное время, чтобы его тело нельзя было разрушить, но чей-то знакомый голос вывел его из состояния глухой обороны:

– Полно, Карцепос, мы не хотим выбрасывать тебя из этого мира. Ты нужен нам здесь. Подними глаза и вспомни прошлое...

– Я тебе не верю, ты убил Юлию.

– Я убил Джул, ведьму, которая превратила мага Карцепоса в ничто. Я сделал то, о чем ты мечтал еще несколько минут назад.

Карцеп перевел дух и медленно поднял глаза. Незнакомец сбросил капюшон, но лицо его все еще казалось Карцепу незнакомым.

– Кто ты?

– Вспоминай.

– Кто ты?! – повторил вопрос Карцеп, с трудом сдерживая дрожь. – Я не вижу!

– Ты – видишь, и ты – помнишь.

С этими словами незнакомец раскрыл ладонь, и на ней заплясали языки искрящегося пламени.

– Ты... Ты... Ты... – начал задыхаться Карцеп, пытаясь выразить еще не до конца сформировавшуюся догадку. – Ты – огонь! Ты – Вендор!

– Да, это так. А вот кто ты?

– Я... Я... – Карцеп снова стал задыхаться. – Я – Карцепос, я – воздух...

– Правильно.

По лицу Вендора скользнула улыбка.

В дверь постучали.

– Откройте, господин, я принес для вас чай! – раздался голос трактирщика.

– Я открою, – сказал Карцепос.

– Конечно, – согласился Вендор.

Карцепос отворил дверь и впустил трактирщика, который, казалось, не видел находившихся в комнате посторонних людей.

– Вот – чай, а вот – мед и свежий хлеб, – приговаривал хозяин, снимая с подноса и расставляя на столе принесенное угощение. – А что же госпожа, она не желает чаю? – поинтересовался трактирщик, махнув в сторону упавших возле одеял останков Юлии.

– Дорога была дальняя, и она устала.

– Если хотите, я принесу ширму, там госпоже будет удобнее...

– Спасибо, нам и этого достаточно, – отказался Карцепос, открывая перед трактирщиком дверь.

– Хорошо, господин, отдыхайте.

Трактирщик ушел. Карцепос поднял с пола меч и спрятал за пояс под широкий плащ. Незваных гостей он больше не боялся.

– Кто это? – спросил он Вендора, кивнув на второго гостя.

– Это – Харар, мой ученик.

Харар поклонился.

– Ученик? Ты взял ученика, чтобы он убил тебя?

– Если в небесных скрижалях так написано – этого не избежать. И потом... – Вендор пожал плечами, – маг-учитель может уйти сам, не вступая в поединок с претендентом.

– М-да... – Карцепос вздохнул и опустил на тахту. Потом провел ладонью по мягкой обивке из овечьих шкур. – Я думал, ты привел Гильгума или Энверсая.

– А я надеялся от тебя узнать хоть что-то. Но теперь вижу, что ошибался.

Вендор сел рядом с Карцепосом.

– Выпьем чаю? – предложил тот, потянувшись к прикрытому войлочной шапкой чайнику.

– Харар, возможно, выпьет, а я этого не практикую.

– Иди сюда, Харар, мне пока еще требуется общество смертных.

– Я стану магом! – возразил ученик, присаживаясь прямо на ковер рядом со столом.

– Может быть. Но меня это не интересует, просто я привык пить горячую воду.

– Что еще ты практиковал? – спросил Вендор. Теперь он был седобородым старцем, отрешенно глядящим сквозь стену.

– Юлия... То есть Джул, хотела, чтобы я чаще занимался с ней всем тем, что помогает рожать детей.

– Какая мерзость. Разве можно магу опускаться так низко? Вы родили хотя бы одного ребенка?

Карцепос не стал отвечать сразу, сначала он разлил чай по фаянсовым кружкам.

– Нет, мы никого не родили, даже напротив – убили множество молодых людей, чтобы Джул снова могла привлекать меня.

– Какая глупая трата сил, – покачал головой Вендор.

– Что ты знаешь о воде и земле? – спросил Карцепос, пробуя напиток – теперь он не казался ему таким ароматным, как прежде. Маг возвращался к своей сути, теряя человеческие качества и привязанности.

– Совсем немного. Гильгум хотел убить меня...

– Убить? – Карцепос распрямился. – Зачем ему это?

– Теперь он служит Хивве. Помнишь, что это такое?

– Еще не вспомнил, хотя именно к ней мы с Юлией и направлялись. Это какая-то черная пропасть.

– Вот именно. Гильгум отчаялся встретить кого-то из нас и пошел в услужение к Хивве, как многие маги-одиночки.

– Но зачем ему убивать тебя?

– Наверное, Хивва боится, что Круг Четырех соберется вновь и тогда ей придется оставить этот мир. Гильгум – лучшее оружие для ее целей. Он искал тебя и Энверсая.

– Если бы нашел – убил бы, – произнес Карцепос.

– Разумеется, но я тоже искал тебя, потому что однажды сумел увидеть эту встречу с тобой, правда, меня сбил с толку связанный с тобой человек.

– Связанный со мной человек?

Карцепос поставил кружку на стол.

– Да, связанный с тобой человек, – подтвердил Вендор, грея руки на появившемся в его руках посохе с синеватым кристаллом.

Со стороны возвышения послышался треск, Карцепос оглянулся. Останки Юлии и ее искромсанная одежда приходили в движение. Подрагивая, словно на мельничном решете, они вращались, как водяная воронка, сжимаясь все сильнее и превращаясь в иссиня-черный шар. Еще мгновение – и шар рассыпался в тонкий пепел, который взметнулся к потолку и просочился наружу через щель в стене.

– Хивва взяла ее к себе, – сказал Вендор.

– Туда ей и дорога, – бесстрастно отозвался Карцепос. – О каком человеке ты говорил?

– Это юноша, скорее мальчик. Он состоял на казенном довольствии без прав и пожеланий.

– Ты говоришь о рабе?

– Да. Сначала я подумал, что ты нашел для себя новую оболочку, но потом догадался, что этот юноша лишь носит в своей жизни твой след.

Вендор пристально посмотрел на Карцепоса, ожидая объяснений.

– Да, он был моим рабом. Я купил его для жертвоприношения, но он оказался не тем, кто был нужен нам с Юлией. Я искал потомственного торгаша, однако он оказался приемным сыном купца, к тому же довольно беспокойным – он пытался бежать.

– И ты продал его казне?

– Да. К тому времени я уже присмотрел другую жертву.

– Значит, этот раб ни при чем? – не удержался от вопроса Харар.

Карцепос уже собрался подтвердить это, однако заметил движение посоха Вендора.

– Самый простой ответ еще не значит самый верный, – произнес тот.

– Ты хочешь сказать, что мой бывший раб...

– Бывший раб имперского чиновника по имени Карцеп, – поправил его Вендор.

– Да, конечно. Так что же необыкновенного в этом рабе?

– Я еще не знаю. Он слишком закрыт, возможно, это следствие его прошлой нелегкой судьбы или тяжелого заклятия. Мы с Хараром подбирались к нему совсем близко, но тогда не было полной ясности.

– У тебя хороший посох, – неожиданно заметил Карцепос. – Это ламидиан?

– Да, ламидиановое дерево, – сдержанно ответил Вендор. Среди магов было не принято оказывать внимание чужим предметам силы, но Карцепос долго оставался без практики, и ему были простительны некоторые промахи. – Уверен, твой был ничуть не хуже.

– Наверное, – кивнул Карцепос. – Мне кажется, мои руки вспоминают его, однако куда он делся, я не помню.

– Уверен, что ты вспомнишь, когда накопишь больше силы.

– Хорошо бы... – качнул головой Карцепос и вздохнул: – Какая звезда была на нем?

– Горный хрусталь. Иногда он становился серым, как пасмурное небо, иногда источал зимний холод. Случалось, принимал опаловый оттенок.

– Это был цвет силы.

Карцепос поднялся, достал из кошелька пару серебряных монет и положил на стол.

– Мы ведь уйдем прямо сейчас, я правильно понял?

– Правильно, – кивнул Вендор.

– Гильгум уже спешит сюда, – заметил Харар и, опершись на собственный посох, поднялся с пола.

– Ты можешь видеть это? – удивился Карцепос возможностям ученика.

– Он всего лишь предположил, – пояснил Вендор. – Но это предположение близко к истине. Мы уходим.

10

Молоканы вернулись с рассветом, Питер услышал плеск весел и, привстав, сумел разглядеть через сруб большую галеру.

Вскоре о борт грохнул трап, и первой по нему пробежала исчезнувшая накануне команда – несколько моряков и четверо молоканов. Питер легко сосчитал их по тому, сколько раз скрипнул прогибавшийся под ними трап.

Пробудившиеся гребцы стали быстро занимать места, чтобы предстать перед хозяевами в лучшем виде, однако никто из них на нижнюю палубу не спустился – пришел матрос с мешком орехов, оставил его на настиле и ушел.

Гребцы разделили орехи и начали их старательно пережевывать – брюхо следовало беречь, поскольку даже безобидный понос мог стать поводом к немедленному увольнению за борт.

Вскоре моряк вернулся, и гребцы, без команды, установили весла в срубы.

– Ум! Ка-та! Ум! Ка-та! – начал отсчитывать ритм моряк.

В пролом сверху заглянул молокан, встряхнул грязными лохмами и исчез. Галера плавно набирала ход, но сорокавесельной рядом видно не было – порядок движения поменялся, и она шла позади, на приличном расстоянии. Экспедиция молоканов вступала в район обитания морских змеев, и орки осторожничали, чтобы в случае чего не потерять весь отряд.

– Ум-ката! Ум-ката!

Моряк разгонял галеру несколько нервно, забывая, что за веслами сидят живые люди и их мышцам требуется разогрев. Гребцы стали обмениваться сердитыми взглядами – что толку гнать, ведь при таком темпе они скоро выдохнутся.

Наверху невнятно рявкнул молокан, и моряк стал считать медленнее.

Рыжий ухмыльнулся, Бычок, приподнявшись, выглянул в сруб. Становилось светлее.

Следующие два часа гребцы работали в привычном среднем темпе, а галера продолжала двигаться на восток. На нижней палубе становилось все жарче, что свидетельствовало о полном дневном штиле.

Пока гребцы, обливаясь потом, отбивали средний темп, на верхней палубе царила напряженная тишина. На носу галеры, рядом с возвращенными клетками с белыми ягнятами, стояли один из моряков и двое молоканов. Этот человек был единственным, к кому они относились с долей уважения, поскольку он бывал в здешних водах и знал многое из того, что помогло бы галере пробиться через обиталища змей к вождьленному Голубому Суринаму.

– Что там-м, боцман? Что ты видищ-щ? – спросил молокан с обезображенной шрамом мордой.

– Кажись... искрится чего-то. Звона не слышите?

Боцман приложил ладонь к уху и всматривался в гладкую поверхность моря. Отсутствие волнения в районе морских змей было делом обычным, и появление спинного оперения чудовища можно было увидеть издалека.

– Я не слышу никакого звона, да? – произнес второй орк и посмотрел на командира. Тот пошевелил ушами, строя разнообразные гримасы, однако расслышать звона тоже не смог.

– Как пойдет звон, нужно бросать ягненка. Главное – не проспать, – пояснил боцман.

– Не проспать, – кивнул командир и, заметив, что другой молокан берет клетку с ягненком, толкнул его в плечо. – Зачем берещ, да? Убери руки, да?

– Я – не проспать, – пояснил тот, поднял клетку и вдохнул запах ягненка. – Вкусн-а-а.

– Звон! Я слышу звон! – вдруг завопил боцман. – Бросай!

Орк поднял над головой клетку и швырнул по ходу галеры, в то время как под водой уже мелькали быстрые росчерки пробудившихся змеев.

Вода вокруг галеры вдруг разом вскипела, по бортам несколько раз ударило, будто гигантским хлыстом, отчего в воздух полетели обломки весел. В панике закричали гребцы.

Клетка с блеющим ягненком покачивалась на образовавшихся волнах, а под ней, будто молнии, проносились серебряные тела змеев, однако жертву они не трогали, пугая и озадачивая этим молоканов.

– Пач-чему они не берут жертву? Пач-чиму? – закричал главный молокан, хватая боцмана за горло.

– Я не знаю, хозя... ин! Не... знаю! – завопил тот, пытаясь разжать когтистые пальцы молокана. – Человека нужно... Человека!

Хвост змея хлестнул через всю палубу и сшиб за борт кого-то из моряков. Остальные попадали на доски и стали расползаться в поисках укрытия.

– Какого чилавэка?! – спросил молокан и отпустил хрипящего боцмана.

– Нужно... нужно найти самого молодого... ваше благородие, я это так понимаю... И бросить змеям, другого средства я не вижу!

– Бумо, ты слышал? – спросил орк на яни.

– Слышал, командир, – кивнул второй орк и поспешил на нижнюю палубу, пока змеи не разнесли галеру в щепки.

Их стремительные, сверкающие на солнце тела свивались в воде кольцами, хвосты рубили воздух, и вокруг стоял несмолкаемый звон, тот самый, который вначале силился услышать боцман. Это звон заглушал треск бортов галеры, крики моряков на палубе и доносившийся с нижней палубы вой, где перепуганные гребцы прощались с жизнью.

За кормой со всей доступной ей резвостью поспешно разворачивалась сорокавесельная галера, там уже решили, что передовое судно обречено.

Вскоре Бумо появился на палубе, волоча за цепь молодого гребца. Тот почти не сопротивлялся и выглядел подавленным – это был Питер.

– Этот годится? – указал на невольника главный орк.

– Я не знаю! – прокричал в ответ боцман. – Наверное, годится, ведь он довольно молод!

– Там сказали, что это Малой, – подтвердил Бумо, указывая когтистым пальцем на пролом в палубе.

– Бросай! – скомандовал главный. Бумо легко подхватил начавшего упираться Питера и швырнул его прямо в свивающиеся клубки обеспокоенных змеев.

Питер летел и кричал так, как никогда раньше. Он был так испуган, что даже не ощутил изменений, когда погрузился в морскую воду. Краешком ускользавшего сознания невольник надеялся, что смерть его будет легкой и ему не придется задыхаться в темной утробе морского чудовища. Детские игрушки, малкуд, лицо дяди и нескончаемые порядки туранской конницы – все в один миг пронеслось перед его глазами.

«Все, я готов. Готов. Ешьте меня», – мысленно согласился Питер и крепко зажмурился.

Что-то коснулось его ног.

– Ой! – закричал Питер и поджал ноги, при этом глотнул морской воды и закашлялся.

«Бе-е-е!» – жалобно блеял белый ягненок, его клетка качалась на волнах совсем рядом, но змеи никак не хотели брать этот подарок.

Питер плохо плавал, но тут он ухитрился держаться на воде, боясь нахлебаться до того, как дождется скорой расправы. А змеи проносились совсем близко, закручивая водовороты и затягивая страшные минуты ожидания...

«Бе-е-е!» – снова проблеял барашек. Мелькнула серебристая чешуя, лязгнули огромные челюсти, и змей ушел на глубину, а вместе с ним убрались и другие чудовища.

– Они взяли барашка! Они взяли барашка! – стал кричать боцман, приплясывая на палубе.

Питеру бросили канат, он вцепился в него, как перепуганный котенок в руку нашедшего его человека. Никаких мыслей в голове не было, радости Питер тоже не испытывал. Даже поднявшись на палубу, он шел, не чувствуя ее разогретой поверхности.

– Малой – счастливый! Уррма! – пророкотал орк, еще минуту назад бросавший Питера на съедение змеям.

– Пастой! – позвал главный орк и, подбежав к Питеру, с почтением дотронулся до его мокрого плеча. – Счастливый какой, уррма!

Моряки стали сигналить большой галере, чтобы та возвращалась, – змеи ушли, и можно было двигаться к сокровищам Голубого Суринама.

Совершенно онемевший, Питер спустился на нижнюю палубу, где столкнулся с жарким приемом своих товарищей, кое-кто из которых был свидетелем выпавших на его долю испытаний.

– Мы видели, как ты упал в воду! Видели! – кричал Рыжий.

– Думали, каюк тебе, Малой! Думали, все! – вторил ему Бычок.

– Питер, ты живой! Питер! – радовался Крафт, и по его лицу катились слезы. Он уже считал себя «осиротевшим», а тут – такая неожиданность.

За этой радостью уже никто не обращал внимания на двух зашибленных насмерть и троих покалеченных гребцов, пострадавших, когда змеи ударили по веслам.

Весла уже заменили, для этого имелся специальный запас, но вот людей поменять было невозможно, теперь они лежали на настиле, и живые, и мертвые, ожидая своей очереди окатиться за бортом. Больные и раненые на нижней палубе были бесполезны.

11

После короткого обеда гребцы снова налегли на весла.

Раненых с ними не было, их вынесли моряки молоканов. Загребные заново перераспределились, чтобы оба борта гребли одинаково, и поход продолжился. Грести пришлось до полуночи, пока морякам не удалось промерить лотом глубину, чтобы бросить якорь.

– Завтра, должно, Суринам увидим, – сказал кто-то в темноте, укладываясь на настил.

– Неужто там и правда сокровищ видимо-невидимо? – спросил другой.

– Должно, так и есть.

– Есть-то они есть, – раздалось из другого конца, – да только змеи с ними никого не выпускают!

– А хорошо бы домой вернуться да с полным карманом жемчугов, – со вздохом стал мечтать Рыжий.

– Ты громче ори, – оборвал его Бычок. – Тогда тебя хозяева прямо сейчас за жемчугом отправят.

Его замечание подействовало на всех, разговоры прекратились.

Питер лежал на спине и через пролом в верхней палубе смотрел на звезды. В здешнем небе они были необыкновенно яркими.

После нескольких часов тяжелой работы чувства постепенно вернулись к нему, и теперь он вспоминал, как барахтался в воде и как выглядели пронесившиеся рядом змеи. Запомнить удалось только серебристые многогранники, из которых были составлены шкуры чудовищ.

Устав от нелегких воспоминаний, Питер вздохнул и, перевернувшись на бок, хотел по привычке придержать цепь на поясе, чтобы не звенела. Но ее не было – должно быть, потерял, когда барахтался в воде.

«Ну и ладно, это не я снял, это – змеи, – сказал он про себя, чувствуя, как погружается в сон. – А с них и взятки гладки».

Питеру снилась лунная ночь и струившиеся в лунном свете морские змеи. Только смотрел он на них не с палубы галеры, а как будто летал неподалеку. Во сне змеи не казались столь ужасными, как тогда – среди волн. У них были большие блестящие глаза и огромные, как парус сорокавесельной галеры, спинные оперения.

«Возьмите меня к себе, змеи, я тоже умею летать!» – попросил их во сне Питер.

«А кто ты такой?» – спросил змей, на длинной шее которого болталась потерянная цепь Питера.

«Я – Питер Фонтен, я гребец на галере».

«Ты не Питер Фонтен», – ответил змей. И тотчас налетела буря, тучи заслонили луну, и стало темно. Питер открыл глаза и увидел, что все гребцы торопливо занимают места, а в проходе «колодца» стоит вчерашний знакомец – молокан Бумо.

– Пошевеливайся, Малой, если не хочешь, чтобы башку откусили, – прошипел Рыжий, и Питер тотчас очнулся. Он перепрыгнул через колени Рыжего и приземлился на свое место.

– Ум-ката, ум-ката! Наддай! – закричал в пролом боцман. Питер поднял голову, но не узнал его. Лицо боцмана посерело, а одного уха как не бывало.

«Может, у него и не было этого уха?» – подумал Питер, налегая на весло. Потом зажмурился и посмотрел снова.

– Ум-ката, ум-ката! – командовал боцман, однако теперь он был и румянее, и с ушами у него все было в порядке.

«Вот это да! Выходит, я сплю?» – поразился Питер.

– Эй, Малой, да ты спишь, что ли? – начал сердиться Бычок.

– Извини, это я после вчерашнего, – ответил Питер и стал внимательнее следить за темпом.

– Ум-ката, ум-ката! Ум!

– Ум-ката, навались! Ум-ката!

Питер греб и греб, следя за дыханием – в первый час следовало налаживать легкие. Это уже после, в разгоне, можно и парой слов перекинуться, а первый час – разогрев. Это было железное правило всех галерных.

– Куда ж... гребем-то?... – спросил Рыжий, не обращаясь ни к кому.

Питер скосил на него глаза и от ужаса едва не потерял темп – из груди Рыжего торчала позеленевшая медная рукоять старинного кинжала.

– Должно совсем... уже близко... – продолжал разговаривать Рыжий.

«Дышать, главное – дышать, – начал уговаривать себя Питер. – Это после вчерашнего, это пройдет».

– Малой, уррма! Малой! – прохрипел совсем рядом молокан. Питер повернул голову и едва не закричал – к нему обращалась отрубленная голова орка, которую тот держал в руках.

– Малой, уррма! Уррма, Малой!

Питер зажмурился крепко, как мог. «Дышать, главное – дышать... Это пройдет...» А голова расхохоталась, ее хозяин повернулся и пошел к «колодцу».

– Ты им... понравился, – заметил Рыжий. Питер осторожно приоткрыл один глаз и с облегчением убедился, что Рыжий цел и невредим.

«Это пройдет...»

– Ох и болтлив же ты... Рыжий... – сказал Бычок. Галера катилась по воде, словно смазанная маслом, теперь можно было поговорить.

– Эй, у срубов, куда катим, что там видно? – крикнули с середины нижней палубы.

– Вода там! – ответил Бычок с какой-то злобой.

– А у нас – сорокавесельная! – крикнули с другого борта. – Обходит, первой к жемчугам быть хочет!

– Ага, как со змеями воевать, так мы, а за жемчугами они первые, – в том же тоне прокомментировал Бычок. – Поубивал бы всю эту сволочь.

– Ты о ком, земляк? – усмехнулся Рыжий.

– А хоть бы и о тебе. Надоел ты мне, сил нет.

– Это ты зря, я ж тебя люблю, как родного! – начал дурачиться Рыжий.

– Земля! Земля, так вас разэдак! – закричали с верхней палубы, Питер узнал голос боцмана. – Ваше благородие, он самый – Голубой Суринам!

– Вах, уррма! – после некоторой паузы отозвался главный орк на галере.

– Уррма!

Это уже был голос Бумо. На верхней палубе начались какие-то пляски, стали раздаваться дикие выкрики. Потом в пролом просунулось лицо вконец обезумевшего боцмана.

– Ум-ката, сукины дети! Ум-ката, ката, ката, ката!

Не зная дистанции до суши, гребцы стали послушно разгоняться. Разговоры стихли, шутки остались позади, гребцы снова выкладывались по полной.

Наверху и где-то еще – должно быть, на сорокавесельной, – кричали не переставая. Гребцы прислушивались к этим крикам и не заметили, как застучала под днищем галька, а затем последовал сильный удар, и судно село брюхом на песок.

Наверху взревели еще громче, а потом и люди, и орки, судя по плеску воды, стали прыгать за борт.

Неподалеку так же шумно высаживались с сорокавесельной.

– Неужто прибыли? – недоверчиво сказал Рыжий, наклоняясь через Питера, чтобы заглянуть в сруб.

– Так и есть – Голубой Суринам... – хрипло подтвердил Бычок. Его подбородок затрясся, на лице проступили капли пота, и он вдруг закричал тонким визгливым голосом:

– Жем-чу-га, брат-цы! Жем-чу-га по все-му бе-ре-гу!

Этот крик разом вывел из равновесия всех галерных, они соскочили со скамеек и бросились к единственному выходу. Питер тоже было вскочил, но, обернувшись, увидел Крафта, который сделал ему знак не спешить.

– Вместе пойдем! – крикнул он.

У трапа уже закипала драка – всем не терпелось выйти на палубу немедленно, ведь без них могли разобрать все сокровища острова.

Наконец, с разбитыми носами и рассеченными лбами, галерные рабы вырвались на верхнюю палубу и, обгоняя друг друга, стали прыгать за борт.

– Пошли? – спросил Питер.

– Пошли, – кивнул Крафт. – Только быстрее, а то все расхватают!

Они быстро поднялись на палубу и остановились, удивленные видом большого острова с лазурными горами и удивительной прибрежной полосой, засеянной крупными жемчужинами вместо гальки.

– Возможно ли такое, Питер? – воскликнул Крафт.

– Это похоже на сон. Даже если не искать рубины, а довольствоваться только жемчугом, мы станем богатеями, Крафт!

В сорока ярдах стояла брошенная сорокавесельная. Судя по низкой осадке, она пробилась о камни дно и теперь некрасиво завалилась набок, но это никого не интересовало – вся ее команда, вместе с гребцами, тоже убежала на остров собирать сокровища.

– Ну, пошли! – нетерпеливо сказал Крафт и, перемахнув за борт, по пояс погрузился в морскую воду. Питер последовал его примеру. Дно было мягким из-за слежавшихся мелких жемчужин. Но стоило приятелям пройти несколько шагов, как им стали попадаться особенно крупные разноцветные жемчужины, каждая размером с голубиное яйцо. Некоторые имели опаловый оттенок, другие голубой. Попадались темно-синие или совсем черные – самые дорогие.

Приятели быстро наполнили небольшие карманы в складках бахота, где обычно прятали небольшие запасы орехов. Теперь остатки орехов были выброшены, но карманов не хватало, и часть сокровищ пришлось держать в руках, а Крафт самые крупные жемчужины спрятал во рту.

– Эй, посмотри, – сказал Питер, распрямляясь. Сразу за их галерой стояла еще одна, с остатками паруса и снастей. Должно быть, она находилась здесь не один год, но за ней виднелось еще одно судно, куда более ветхое. Мачта на нем еще держалась, но от паруса уже ничего не осталось.

Питер посмотрел в другую сторону – и там, за сорокавесельной, по всему берегу виднелись брошенные суда в разных стадиях разрушения. Пять, десять, двадцать лет назад... Остовы одних едва виднелись над водой, о других напоминали лишь несколько выброшенных на берег фрагментов из почерневшего дерева.

– А что ты удивляешься? Мы же здесь не первые! – воскликнул Крафт. – Хорошо бы найти какойнибудь мешок, а то мы так много не соберем.

– Да. Может, пошарить на сорокавесельной, там наверняка много всякого добра? – предложил Питер, однако взглядом то и дело возвращаясь к скелетам кораблей прошедших эпох. Здесь было их древнее кладбище.

– Ладно, пошли в гору! Наши-то все туда убежали!

– Почему ты знаешь, следов-то нет!

– Следов нет, но я нюхом чую, – сказал Крафт и быстро зашагал по жемчужной гальке. Питер поспешил за ним.

– Тут ведь не только жемчуга на берегу, тут рубины в ручьях, изумруды в травах! Тут такое, что даже присниться не может! – громко рассказывал Крафт, возбуждаясь от собственных фантазий.

– Откуда ты знаешь про рубины? – спросил Питер, оглядываясь на галеру.

– О Голубом Суринаме моряки в каждом порту треплются, я много раз слышал!

– Смотри, что это там?

– Где?

– Да вот же! – Питер отбежал на несколько шагов и среди редкой травы увидел разбросанные в беспорядке выбеленные солнцем человеческие кости.

– Не отвлекайся на всякую чепуху! – сказал Крафт и прибавил шаг. Лес в предгорьях был виден очень хорошо, там, вне всякого сомнения, можно было набрать рубинов.

Они заспешили дальше по осыпающемуся песку с крупинками золота, по островкам травы, среди которой поблескивали мелкие изумруды. Они спешили так, что стало сбиваться их крепкое дыхание.

– Давай, Питер, не отставай! Лес уже рядом... Минуем низинку, а там...

Крафт не договорил, поскольку в этот момент перед ними открылась низина, застеленная человеческими костями – и старыми, и недавними скелетами в кольчугах и шлемах, посеченных топорами и мечами, что валялись тут же.

Среди проросшей травы лежали рассыпанные изумруды и крупные слитки золота. На дне разрубленной корзины тускло светились несколько рубинов.

– Видать, не поделили, – сделал вывод Крафт, перешагивая через распростертый скелет воина.

– Да тут не один раз делили – ты посмотри, кости-то разного времени.

– А нам какое дело?! – неожиданно нервно закричал Крафт. – Пока мы тут любимся, другие самые крупные изумруды расхватывают! Давай бегом, а то с одним жемчугом останемся!

Этот крик словно подхватил Питера, зажег его воображение. Действительно, чего прохлаждаться, если есть возможность взять все самое лучшее.

12

Спустя короткое время они уже бежали под тенистыми кронами высоких деревьев. И сразу первая находка – огромный изумруд! Питер бросился к нему первым, но Крафт опередил его, выхватив сокровище из травы в мгновение ока.

– Что, приятель, не успел? – усмехнулся он и злорадно расхохотался: – Не зевай, тут с тобой никто делиться не будет, что схватил, то – твое.

Теперь Питер стал с утроенной энергией заглядывать под кусты, решив ни за что не отдать свою следующую добычу.

Второй изумруд он успел схватить первым, вызвав недобрую ухмылку Крафта.

– Слышь, нам их куда-то складывать нужно, давай сплетем из багульника по корзинке – это быстро.

– Я не умею, – ответил Питер, продолжая поиски.

– Я тебе сделаю, только ты мне потом отдашь один большой камень, понял?

– Хорошо, – согласился Питер, уже решив, что обманет Крафта.

– Опа! Вот и мой грибочек! – воскликнул тот, подхватывая из травы крупный изумруд редкой расцветки. – Ну-ка посмотри, деревенщина, видишь, как искать нужно!

– Вижу, – процедил Питер сквозь зубы. Этот новый камень Крафта манил его, волновал, и ему очень хотелось стать единственным обладателем этой чарующей красоты.

Взгляд Питера упал на сухую ветку. Если правильно надломить ее, один конец получится острым – как наконечник пика.

– Не отставай, дальше их станет еще больше! – позвал ушедший вперед Крафт. – Скоро будет ручей, а в нем рубины и золото.

– Откуда ты знаешь?

– Водой пахнет!

– Водой ему пахнет... – пробурчал Питер, догоняя соперника. – Ты когда мне корзинку сделаешь?

– Уже делаю... – отозвался Крафт. Он на ходу срывал тонкие ветки и быстро сплетал из них нечто наподобие грубого колпака.

Питер внимательно приглядывался к каждой искорке в траве, но большей частью ему попадали маленькие изумруды, и он продолжал искать дальше. Странное дело, но среди травы ему не попадались насекомые. Птицы в этом лесу тоже не пели, и ветер не шевелил ветви деревьев. С другой стороны, часто встречались свидетельства пребывания здесь других людей – потерянная подковка от башмака, смятое медное колечко, фигурный обломок деревянной ложки.

Лес стал реже, впереди посветлело.

– Вон он, ручеек! – сказал Крафт, останавливаясь. – На, возьми, вот твоя корзинка.

– А твоя?

– И моя при мне, – усмехнулся Крафт, показывая вторую, почти вдвое большую, чем та, которую он приготовил для Питера. – Не забудь, с тебя большой камень, сам выбирать буду.

– Хорошо, – кивнул Питер, отводя взгляд.

Вдруг послышались быстрые шаги и хриплое дыхание. Из-за кустарника на другой стороне ручья выскочил кто-то из галерных и побежал вдоль воды, прижимая к себе снятый с кого-то бахот. На плече беглеца кровоточила рана.

– Ух ты, наверное, там хорошая пожива!

– Где? – деловито осведомился Питер.

– Ниже по течению, откуда этот дурик сбежал. Только надо дубины заготовить, а то и убить могут.

- Если сухую ветку правильно сломать – пика будет... – скороговоркой произнес Питер.
- Это ты хорошо придумал, нам, копейщикам, это самое лучшее оружие.

И они взялись ломать подходящие ветки. Получилось не с первого раза, однако вскоре у Крафта была почти настоящая пика с коротким острым наконечником. У Питера получилась покороче и покривее, зато с длинным щепкой – лезвием.

Тишину молчаливого леса вдруг рассек тонкий, полный ужаса крик, который тут же оборвался.

- Что это? – спросил Питер, не останавливаясь.
- Дележка, приятель, видно, камушки там и впрямь огромные.
- Смотри, рубины, – сказал Питер, указывая на сверкавшие на дне ручья камни.
- Мелкотня, дальше больше будут.

Они миновали поворот и за большим валуном обнаружили тело галерного без бахота. Эти линялые тряпки теперь ценились очень дорого – в них можно было складывать сокровища.

- Я его узнал, это – Трунт, – сказал Питер.
- Я тоже узнал. Стой! Тихо!

Они остановились, стараясь дышать потише, но хриплое дыхание рвалось наружу. Откуда-то издалека доносился шум настоящего боя – звон мечей, крики и даже подобие команд.

– Переждать надо, пусть перебьют друг друга, тогда нам достанутся их камешки, – подвел итог Крафт, и они стали взбираться по крутому склону – поближе к лесу.

13

Пробравшись вдоль густого кустарника, Питер и Крафт вышли к небольшой, образованной ручьем запруде. По ее берегам в разных позах лежали бездыханные тела. Двое из них принадлежали матросам с галеры Питера и Крафта, еще четверо – гребцам с сорокавесельной. Те, кто напал на них, забрали одежду и засаленные бахоты, чтобы складывать богатства.

Еще одно тело плавало посреди запруды лицом вниз, и замедленное течение ручья вращало его на месте.

– Смотри, там, на дне, – огромные рубины! – закричал Крафт и побежал по склону, Питер последовал за ним. Азарт разгорался в нем все сильнее, и оба приятеля обрушились в запруду, подняв брызги и не обращая внимания на следы недавней трагедии.

Рубины здесь были и впрямь крупные – некоторые даже побольше голубинового яйца. За особенно ценные экземпляры между Питером и Крафтом разгоралась борьба с толчками и ругательствами, а за редкий желтоватый камень они даже схватились не на шутку, но Крафт оставил свою пику на берегу, а Питер держал оружие при себе. Он направил острие на Крафта, и тот был вынужден отступить, переведя все в шутку.

Когда все лучшие камни были собраны, Питер заметил, что у плававшего в воде трупа, помимо других ран, отсутствует ухо. Решив проверить догадку, он перевернул тело и узнал боцмана. Тот выглядел именно так, каким привиделся Питеру тогда, на нижней палубе.

– Пойдем, здесь уже ничего не осталось, – позвал Крафт, уходя дальше по берегу.

– Иду, – ответил Питер. Выбрался из запруды и с задумчивым видом пошел следом.

Следующие пару часов они провели в лихорадочных поисках, однако каждая находка подстегивала не только азарт, но и соперничество, заставляя настороженно коситься в сторону друг друга. Брала свое и разыгравшаяся зависть – каждому казалось, что у другого в корзинке камни и крупнее, и искристее.

Когда натыкались на жертв дележки сокровищ, ненадолго приходили в себя, считая тех, кого знали. Питер нашел здесь и Бычка, и Рыжего с кинжалом в груди, и орка Бумо с отсеченной головой – все подтверждало его прежние видения.

Где они находились и в какую сторону шли, Крафт и Питер давно уже не понимали, волоча чужие корзины с сокровищами и поминутно что-то роняя. Когда переходили сырые балки или небольшие долины, обязательно натыкались на останки прежних охотников за сокровищами. Здесь были кости людей, орков и выючных животных, на которых намеревались вывозить богатство на берег. Почерневшая сталь клинков, позеленевшая медь доспехов и оскаленные, в нелепых улыбках, черепа.

При виде этих картин внутри Питера что-то вздрагивало, какая-то мысль пыталась пробиться, обратить на себя внимание, но все затмевалось новой гонкой, желанием собрать как можно больше драгоценностей.

Схватки между приятелями-соперниками стали вспыхивать все чаще, и каждая последующая была жестче предыдущей. Приближалась развязка, которая должна была навсегда оставить их на этом «счастливом» острове. Местом, где бывшим товарищам суждено было убить друг друга, оказалась светлая роща, куда они пришли, уже выбиваясь из сил. Утопая в мягком мху, Питер и Крафт сгибались под тяжестью много раз перебранных и переложенных узлов.

– Эй, смотри, там еще один, – сказал Крафт, заметив очередной скелет, который лежал, привалясь к широкому стволу дерева. Это был не простой солдат, а, скорее, владелец галеры или даже целой флотилии. На нем была кованая кольчуга, отделанный золотом шлем. Ключья потускневшей парчи указывали на то, что при жизни этот человек любил нарядные и дорогие платья. Устало привалясь к дереву, он и теперь обнимал три истлевших туеска с крупными

синеватыми камнями и, должно быть, до последнего мгновения ощущал себя самым богатым на свете.

– Самые большие – мои! – объявил Крафт, наставляя на Питеру свою пику.

– Бери... – отмахнулся тот, хотя еще полчаса назад вступал в драку за каждый камешек, о чем свидетельствовали ссадины и порезы по всему телу – и у него, и у Крафта. Они должны были убить друг друга, но... Питер вдруг почувствовал странную апатию.

– Вот и мы так... – сказал он, бросая ношу и опускаясь на траву.

– Что?! – переспросил Крафт, одной рукой торопливо перекладывая синие камни в переполненный узелок, а другой крепко держа пику.

– Этот человек надеялся, что выживет и вернется с богатством домой, но получил в спину стрелу...

– Стрелу?

Крафт осмотрел останки и увидел застрявший между ребер проржавевший наконечник.

– А ты глазастый! Вот только самые большие камешки почему-то первым обнаруживаю я, а не ты, деревенщина!

– Они мне больше не нужны, Крафт...

– Чего?

Напарник недоверчиво посмотрел на Питера, затем его глаза скользнули по оброненным узлам с камнями. Некоторые вывалились на траву и теперь не отпускали внимания Крафта.

– Ты хочешь сказать, что я могу... взять твои камни?

Задав этот вопрос, Крафт обеими руками ухватился за пику и наставил ее на Питера, ожидая какого-то подвоха. Ну мыслимое ли дело отказаться от такого богатства?

– Забирай все, мне это больше не нужно, – подтвердил Питер и отошел на несколько шагов.

– Ха-ха! Ну и дурак! – воскликнул Крафт и бросился к сокровищам Питера. Сначала он хотел выбрать лучшее, но лучшее было – все! Питер тоже отбирал все самое лучшее, так что Крафту невозможно было сделать выбор. Он стал подтаскивать узлы Питера поближе к своим, приговаривая:

– Ну, дурак, ну, ненормальный... Деревенщина...

– Скоро будет вечер, а у нас нет еды.

– Я не голоден, – обронил Крафт, лихорадочно ощупывая новые поступления, словно юнец – прелести хмельной проститутки.

– Я иду искать галеру, там остались орехи и курага, – сообщил Питер и, повернувшись, пошел прочь.

– Скатертью дорога, придурок! – привычно ответил Крафт, но затем по-другому глянул вслед уходящему приятелю: – Эй, Питер, стой! Я возьму свои камни!

– Я не буду тебя ждать – догоняй.

– Нет, ну как же?

Крафт стал растерянно оглядываться, пытаясь найти что-то, что помогло бы ему волоочь на себе весь этот груз, но Питер уходил все дальше, а он оставался возле скелета.

В конце концов Крафт взвалил на себя свой прежний груз и прихватил пару узелков Питера.

– Стой, Питер! Стой, я уже иду!

Однако напарник шел слишком быстро, и Крафт не поспевал. К тому же жадность Питера уже не подпитывала жадность самого Крафта, и та, в одиночку, начала сдавать позиции.

Вконец вымотанный, Крафт остановился, посмотрел с тоской на удаляющегося Питера, а затем бросил с таким трудом собранные сокровища, оставив себе лишь небольшой узелок.

Вскоре он нагнал Питера.

– Я с тобой, – запыхавшись, сообщил он.

– А как же сокровища? – ухмыльнулся тот.

– Вот, – ответил Крафт, показав оставшийся мешочек с желтоватыми рубинами.

– Брось, – сказал Питер, глядя перед собой.

– Ты с ума сошел, это же последнее, что у нас осталось! – Крафт прижал камни к груди, боясь даже подумать, что и их придется оставить.

– Неужели ты еще не понял, что эти сокровища – как пламя для мотылька. Они привлекают, но не позволяют овладеть собой. Этот остров – огромная ловушка, никто не уходит отсюда живым, пока остается во власти золота и цветных камешков. Крафт, неужели ты не понял этого, видя эти горы костей в каждой яме? Этот остров собирает свои жертвы столетиями, а может, и тысячелетиями, то, что мы с тобой еще не убили друг друга, – чудо!

– Да. – Крафт опустил руку с мешочком и, вздохнув, уронил его в траву.

– Идем, – сказал Питер и пошел вперед, туда, где в конце долины снова начинался подъем.

– И что ты теперь думаешь делать?

– Для начала нужно вернуться к галере, там есть хоть какая-то еда. Здесь я не видел ни ягод, ни рыбы в ручье, здесь ничего нет.

– Да, я тоже это заметил, – вздохнул Крафт. Он все еще переживал о брошенных сокровищах.

Выбранное Питером направление оказалось верным, и через какие-то полтора часа приятели вышли из леса недалеко от того места, откуда начинали поход за сокровищами.

Теперь они спускались по песчаным наносам, оставляя позади заколдованный лес и бесчисленные сокровища. Внизу, совсем рядом, блестела жемчугом прибойная полоса, но приятели устали и кое-как плелись по песку и нагретым солнцем золотым слиткам.

Потерявший все свои сокровища Крафт по привычке нагибался за особенно крупными жемчужинами, но, встречаясь со взглядом Питера, нехотя оставлял их.

– Ну и что нам теперь делать? – спросил он, когда приятели остановились напротив своей галеры.

– Поднимемся на борт, проверим запас воды, орехов, может, и еще чего-нибудь найдем.

– А потом?

– Будем ждать ветра. – Питер посмотрел по сторонам и вздохнул. Полуразрушенные остовы брошенных судов еще держались лишь потому, что никогда не испытывали настоящей силы ветра. Здесь всегда был штиль.

– Здесь всегда штиль, – произнес вслух Крафт.

– А водоросли откуда? Смотри. – Питер подошел к засохшей гирлянде и поддел ее босой ногой. – Вон как далеко от воды – значит, бывают волны...

– А как нам поможет ветер, если галера на мели?

– Ну... Если ветер будет с берега... Он может снять галеру с мели.

– Это только мечты, Питер.

– Давай хотя бы осмотрим кладовой трюм – определим, сколько у нас воды, сколько орехов.

– Тогда можно и на сорокавесельную наведаться, – добавил Крафт. – Там всякого добра поболее будет. Может, даже лодка найдется, а?

– Ты поплывешь на лодке через кольцо морских змеев? – искренне удивился Питер и стал заходить в воду. Воспользовавшись случаем, Крафт поднял несколько крупных жемчужин и спрятал в складках бахота.

Помогая друг другу, приятели взобрались на борт по обрывку каната и обнаружили, что за время их отсутствия на палубе ничего не изменилось – те же тряпки, потерянные в спешке мелочи: пуговицы и кожаные шнурки. Несколько пятен крови – следствие подбитых носов галерных, когда те устроили потасовку у трапа.

– Пойдем в кладовку, – сказал Питер, и они спустились по скрипучему трапу в кладовой трюм.

Внутри было темно, жарко и пахло прогорклым оливковым маслом. Прежде здесь хранились сушеное мясо, рыба, фрукты и крупа, теперь же остались только пять мешков орехов и пара связок подточенной жучком сушеной рыбы.

Однако больше всего Питера интересовала пресная вода. Она хранилась в двух огромных, поставленных в деревянные обоймы амфорах. Этого запаса команде хватало на два месяца, но сейчас воды оставалось меньше. Питер постучал по одной амфоре – она оказалась пустой. Другая была заполнена примерно на две трети.

Помимо продуктов и воды, под нижними полками обнаружился большой запас дровяных щепочек, старательно наколотых коком. В прежние времена матросы каждый день ели горячее.

– Порядок, – улыбнулся Крафт. – Значит, не пропадем.

– Если выберемся с острова, – добавил Питер.

Они снова поднялись на палубу, где не было теперь ни камбуза, ни любовно обустроенных покоев капитана, ни даже палубной тюрьмы – синдона. На его месте осталось несколько расщепленных досок, обильно политых обесцвеченной от времени и солнца кровью, что говорило об участии оставшихся в синдоне узников.

– Ты думаешь о Густаве? – спросил Питер.

– Да, – сказал Крафт, глядя на обломки. – Наверное, даже я не сделал бы ему хуже, если бы он попался мне в руки.

– Продал нас в надежде добраться до своих коровок в литонском крае, а вышло вон как.

14

Неожиданно по разогретой палубе пробежала волна прохлады. Легкий ветерок тронул незакрепленный конец паруса, и тот вздрогнул.

– Ты чувствуешь это? – спросил Крафт, ловя прохладу раскрытыми ладонями и вдыхая ее полной грудью.

– Если ветер окрепнет, он сможет снять нашу галеру с мели! – обрадовался Питер.

– Ну конечно, разбежался... Это всего лишь этот, как его... легкий бриз!

Новый порыв ветра так хлопнул уголком паруса, что Крафт воскликнул:

– Вот это дал! Похоже, нам есть на что надеяться! Давай развернем парус, Малой!

– Я никогда этого не делал, – развел руками Питер, наблюдая за тем, как над островом сворачиваются спиралями зарождающиеся грозовые тучи.

– Тут и делать нечего! Ты лезь по этой снасти, а я по другой – нужно развязать концы веревок, и тогда парус сам развернется.

– Ну, давай попробуем.

То, что с палубы выглядело не столь уж сложным делом, оказалось не так просто. Растянутые веревочные лестницы скручивались, запутывали руки и ноги. Кое-как Питер все же приноровился, но, когда забрался на самый верх, у него закружилась голова.

«Спокойно, здесь каких-то двадцать футов!» – начал он успокаивать себя, однако усиливающийся ветер раскачивал лестницу все сильнее, а собранный парус начинал вибрировать и пузыриться, требуя отпустить его на волю.

К счастью, освободить завязки оказалось несложно, они были завязаны специальным узлом и мгновенно распускались, стоило лишь дернуть за свободный конец.

Ветер развернул освобожденный парус, и тот ударил по матросам-новичкам, словно доска. Питеру отсушило руку, и он едва не сорвался, а Крафт повис на руках, когда из-под ног вырвало лестницу.

С большими трудностями, добавив себе синяков и ссадин, приятели все же сумели выпутаться из снастей и спуститься на палубу. Тем временем ветер окреп настолько, что мачта начала скрипеть и потрескивать, однако этого было мало, чтобы столкнуть галеру с мели.

Вот задрожала палуба, в какой-то момент Питеру показалось, что галера начала двигаться, но нет, песчаное дно держало ее слишком крепко.

– У нас не хватает паруса – надо бы развернуть его правильно, но мы в этом ничего не понимаем! – прокричал Питер сквозь свист трепещущих на ветру снастей.

– Почему ты не отпускаешь нас, остров?! Мы же все оставили – ничего у тебя не взяли!

Внезапная догадка заставила Питера повернуться к товарищу:

– Ты ведь ничего не взял с собой, Крафт?

– Ну... самую малость! Всего пять жемчужин, они помогут нам выжить, когда мы выберемся отсюда!

– Крафт, мы никогда не выберемся, а если нас и отнесет от берега, морские змеи побеспокоятся о том, чтобы мы остались в море навсегда! Выбрасывай немедленно!

Делать было нечего, Крафт размахнулся и забросил жемчуг так далеко, что он запрыгал по палубе низко осевшей сорокавесельной галеры.

– Ну и что? – с вызовом спросил он, подставляя ветру руку – тот как будто начал стихать. – Мы зря выбросили наш жемчуг!

Ответить Питер не успел, потому что порыв ветра ударил в парус с такой силой, что днище галеры закрипело по песку и судно сошло с мели.

Однако радоваться было рано: то, что помогло напарникам, теперь могло погубить их – галеру стало разворачивать, и она могла затонуть, если бы легла набок и набрала через срубы воды.

– Нужно скорее развернуть ее! – закричал Крафт, стараясь перекрыть шум ветра. – Скорее к рулю!

Они бросились к начавшей заворачивать корме и вцепились в болтавшийся ворот.

– Давай влево, влево наваливайся! – командовал Крафт.

Судно отозвалось на поворот руля и стало разворачиваться быстрее. Заскрипели шпангоуты, в срубы стала заливаться вода. Питер ухватился за край борта, чтобы не вывалиться. Казалось, еще немного – и судно ляжет на воду, но инерция помогла галере пройти опасное положение. Парус встал как надо и запел, завибрировал от страшной силы, что раздувала его и грозила сорвать вместе с мачтой.

Прыгая с волны на волну, галера с огромной скоростью понеслась прочь от берега. Питер оглянулся, чтобы посмотреть, виден ли еще остров, но вместо берега перед ним предстала флотилия из всех галер, что когда-то приставали к Голубому Суринаму. Призраки истлевших у берега судов легко скользили над самой водой, а их команды, стоя на палубах, махали вслед уходящему судну.

Видение длилось всего несколько мгновений, а потом Питер увидел утлые останки, которые несло в море. Одна за другой, разваливаясь на куски, галеры исчезали в бушующих волнах, дольше всех держалась сорокавесельная. Вскоре и она, содрогнувшись всем корпусом, погрузилась в пучину, махнув на прощание вершиной мачты.

15

По пыльной пустынной дороге, что вела из горного урочища в портовый город Исфаган, опираясь на посохи, шли трое путников в темных истрепанных хламидах с низко опущенными на лица капюшонами. При виде всадников или редких экипажей они покорно освобождали дорогу и пережидали на пыльной обочине.

Дорога эта, как и все другие в округе, была беспокойная, за каждым ее отрезком следила какая-нибудь банда.

В основном это были тураны, их подвижные отряды, словно волчьи шайки, мелькали то тут то там. Карсаматы попадались реже – они слишком опасались более многочисленных конкурентов.

И совсем уж редко дорогу путникам пересекали орки-молоканы, новые хозяева выжженных туранами земель.

По договору императора Рамбосы Лучезарного с тиранами Хиввы три портовых города на Савойском море все еще оставались под властью императора и не подвергались разорениям, как все остальные селения в округе. Пока Хивве было достаточно и того, что отдал Рамбосса, и она накапливала силы, чтобы передвинуть священный камень Каиппу от крепости Арум в глубь территории империи.

О намерениях Хиввы император, конечно же, знал, но, чтобы выиграть время и собрать войска из самых дальних гарнизонов, отдал часть владений на разграбление, а подданных на полное истребление. Однако очищенные от людей земли не пустовали, на них ставили свои хутора и поселения пришедшие из Хиввы орки-молоканы. Как и те, кто жил здесь прежде, они крестьянствовали, разводили свиней и поливали огороды, но это был народ Хиввы, и в каждом доме молоканов находился свой священный камень – маленькая копия Каиппы, опоры всеядной Хиввы.

Распространяя свои дома, хутора и дворы, они создавали новую возможность для продвижения Хиввы.

– Как долго нам еще идти? – спросил один путешественник другого, седобрового старца.

– К вечеру будем в Исфагане.

– Признаться, я думаю о чашке чая.

– Как можно, Карцепос? Маг не должен стеснять себя требованиями плоти.

– Я знаю, но еще недавно мне приходилось жить жизнью людей. Не так-то легко освободиться от их привязчивых привычек.

– Попить чайку было бы не лишним, – согласился Харар.

– Полагаю, ты не думаешь, что я потрачу часть силы, чтобы поставить на обочине караван-сарай? – поинтересовался Вендор.

– И в мыслях не было, просто мы могли бы зайти в одну из придорожных таверн, а не ждать до самого Исфагана.

– Все придорожные таверны разрушены – везде побывали тураны. Но, может, ближе к городу что-то и попадется, скажем, часа через два.

Карцепос поднял голову и посмотрел на лишенное облаков небо. Горячий воздух струился по высохшей долине, в которой не было ни единой зеленой травинки.

– Что ж, будем ждать, – сказал он.

– Да, я тоже еще могу идти, – отозвался Харар.

Впереди показалось облако пыли, а затем и несколько черных точек – всадников. Даже издали было видно, что это тураны, и путешественники отошли на обочину переждать, когда те проедут.

Вскоре мимо пронесся отряд разбойников. Обычно привязываясь к каждому бродяге, в этот раз они в сторону путников даже не посмотрели и поскакали дальше по своим туранским делам.

Не дожидаясь, когда осядет пыль, путешественники вышли на дорогу и продолжили путь.

В Исфаган они шли по велению Вендора. Он сказал: я жду вестей с моря, мы пойдем в Исфаган.

Карцепос не возражал, он пока не обладал никакой инициативой, поскольку находился по дороге от человека Карцепа к магу Карцепосу. Харар и вовсе смолчал, он проникался наукой Вендора и уже знал, что любопытство ослабляет мага.

16

Как и рассчитывал Вендор, в порт Исфаган они прибыли, когда начало смеркаться. Несмотря на вечерний час, город-порт был наводнен веселыми горожанами и проезжими гостями. Почти в каждом доме здесь имелся трактир или увеселительное заведение с девицами. У дверей за небольшую мзду играли уличные музыканты, а коптящие смоляные факелы ярко освещали площади и улицы.

Перекрикивая друг друга, хриплые трактирщики, как могли, зазывали новых посетителей: удачливых пиратов, рыбаков и разжившихся лишней монетой городских воров.

В заведения подороже пускали только людей состоятельных и заезжих купцов, сумевших провести товар мимо дорожных грабителей.

– Ну что, мы пойдем куда-то ночевать? – спросил Карцепос, оглядывая шумную улицу.

– Не люблю я эту публику и смрад, исходящий от них, – поморщился Вендор. – Мне не нужны мягкие подушки, чтобы переждать ночь, однако если для вас в этом есть нужда...

– Никакой нужды нет, подушки и перины мне без надобности, но от нескольких минут тишины я бы не отказался.

– И от чая с медом! – добавил Харар, уже устав быть настоящим магом.

– Что ж, выбирайте дверь, и я наберусь терпения, пока вы станете услаждать плотские прихоти, – ответил Вендор.

– Я... грязи не люблю, – покачал головой Карцепос, с сомнением поглядывая на распахнутые двери трактиров.

– Быть может, мы найдем другой приют, я знаю верно, что на причалах у самых лодок и воды торговцы чаем ищут рыбаков, тех, что приходят с моря. Усталые, пропахшие волнами, они пьют чай...

– Едва ли это чай, Харар, – усмехнулся Вендор. – Уж я-то знаю человеческую природу.

– Нет, правда, ведь им потом всю рыбу отвозить на ледники, чтобы поутру...

– Довольно, мне понятно, идем к причалам. Ты согласен, Карцепос?

– Надеюсь, это недалеко?

– Совсем рядом, я чувствую, откуда тянет рыбой, ведь этот запах тут неистребим, – заверил Харар.

– Ну что ж, идем, веди нас.

И путники стали выбираться из центра города, петляя между нетрезвой и шумной публикой, но дорога к порту оказалось совсем не близкой.

– Здесь слишком душно, – сказал Вендор, когда они забрались в узкие переулки.

– Сейчас выйдем, мессир! – пообещал Харар.

– Мы были здесь, я помню эту кошку.

– Ну что вы, Карцепос, это другой дом.

– Спроси дорогу вон у той старушки, – посоветовал Вендор.

– Не нужно, мы почти пришли. Вот там, за поворотом.

Едва свернув за угол, путники оказались на широкой улице, которая, без сомнения, вела прямо к пристаням, поскольку рыбой здесь воняло просто невыносимо.

– Тут не слишком опрятно, всюду мусор, – заметил Вендор.

– Пахнет мясом, кажется, это баранина, – повел носом Карцепос.

– Ты пугаешь меня, неужто все действительно так плохо? Ты станешь есть мясо? – ужаснулся Вендор.

– Нет, никакого мяса, это лишь воспоминания. Я сказал – чай.

– С медом, – напомнил Харар.

– Да, с медом, но и только.

Обходя пьяных, они продвигались вперед, проходя через волны различных запахов: лаванды, горелого жира с трактирной кухни, кислого пива и вареной требухи.

Где-то играла музыка – скрипка, флейта и барабан.

– Это невозможно вынести – скорее на воздух, к морю! – потребовал Вендор.

– Мы уже рядом, мессир! – успокоил его Харар. Вдруг публика стала расступаться и показались пешие тураны. Настрой их был мирным, они глазели по сторонам, поражаясь тому, как светло может быть в городе ночью и какие высокие дома строят в здешних местах.

Едва миновали туранов, показалась группа молоканов. Тут улица и вовсе опустела, захлопали ставни, стали закрываться двери трактиров. Внутри тушили лампы – таких гостей нигде не ждали.

Однако страшные орки вели себя спокойно. Их желудки были наполнены крепленным приморским вином и жареными бараньими ребрышками, оттого известные своей жестокостью молоканы никого не трогали, а их широкие тесаки в кожаных ножнах болтались на поясах без дела.

Помимо хмеля, сытости и хорошего настроения, оркам не давал разгуляться договор Рамбоссы и Хиввы. Приморские города оставались под властью императора, это для него было очень важно, поскольку буйная прибрежная торговля приносила в казну много золота. Сейчас, когда он готовился к новой схватке с Хиввой, эти деньги были весьма кстати.

– Смотрите, этто... этто колдуны! – произнес один из молоканов, останавливаясь напротив троих путников и указывая на них когтистым пальцем.

В темных длиннополых хламидах, с прикрытыми капюшонами лицами и посохами в руках, эти трое действительно выглядели жутковато.

– С чего ты взял, что это... колдуны? – спросил другой молокан и громко икнул.

Орки были настолько пьяны, что, позабыв свой язык, разговаривали на яни.

– Я чувствую, как от них исходит какая-то... опасность. Давай убьем их, Кем?

– Нет, Бун, в городе это невозможно. Ты забыл, что тут действует договор? Если хочешь убить их, проследи за ними и оторви ноги за городской границей – это совсем недалеко.

– Хорошая мысль, Кем, – согласился другой орк, покачиваясь и невпопад шевеля пальцами на своих лапах. – А когда?

– Завтра. Вот пойдем еще выпьем, а потом выспимся и завтра... убьем.

– Убьем, – кивнул Кем и вернулся к своим товарищам. Обнявшись, орки побрели прочь.

Угроза миновала, и улица снова стала наполняться народом, а в притихших было трактирах зажглись огни и заиграла музыка.

Трое путников продолжили движение и вскоре вышли к портовым складам и причалам, на которых, как и обещал Харар, стояли прикрытые навесами столы, а рядом с ними дымили обложенные камнями костры.

На прутьях жарилось мясо, парили носики медных чайников, запахи меда и шербета перемешивались с ароматами пряных трав и дыма. Даже Вендор заметил, что такое сочетание ему совсем не мешает, если бы только не пахло еще и рыбой.

– Пейте же свой чай, рабы ненасытных желудков, а я посмотрю на море. Может, это поможет мне увидеть то, чего я жду...

Вендор скинул капюшон и стал немолодым человеком лет шестидесяти с коротко подстриженной бородой. Карцепос тоже сбросил капюшон и принял вид прежнего господина Карцепа – чиновника из обычного городка, а Харар не изменился никак, поскольку обходится одним-единственным лицом.

Он подошел к ближайшему столу и попросил две кружки чая.

– Одну минуту, господин, – ответил торговец, выхватил из-под прилавка кружки и бросил в них по щепотке заварного сбора.

– Вам с марципаном? – уточнил он, замерев на половине движения.

– Нам с марципаном? – переспросил у Карцепоса Харар.

– Я люблю простой.

– Нам простой, – повторил Харар.

– Как прикажете, господа, – ответил торговец и снова задвигался, гремя чайником, заливая кипятком и накрывая кружки глиняными крышками.

– Мед? Шербет?

– Мед! – сделал выбор Карцепос.

– И мне мед, – согласился Харар.

Взяв свои кружки, они сели на лавку рядом с отрешенно смотрящим на море Вендором.

Харар огляделся. Публики здесь хватало: прибывшие с уловом рыбаки и их грузчики, засидевшиеся за срочной работой плотники, весовщики и приказчики с портовых складов. Все они выходили перекусить, чтобы затем снова заняться работой, возможно до самого утра.

Харар сделал глоток и вздохнул. Легкий ветерок приносил резкий запах рыбы, тощие портовые кошки бегали по натянутым канатам, отыскивая на лодках остатки улова.

– Ваш мед, господа, – с поклоном произнес торговец, подавая две плоские тарелки с медом и деревянными палочками вместо ложек. – С вас четыре кадастра.

– Возьми, любезный, – подал деньги Карцепос. Торговец ушел.

– Вот ведь какая неприятность, казалось бы, сиди, Харар, да пей душистый чай...

– Душистый, – подтвердил Карцепос.

– А все равно как-то беспокойно.

– Тебе беспокойно? – уточнил Вендор, продолжая смотреть куда-то вдаль.

– Вот именно, мессир, мне как будто в спину кто-то смотрит.

Харар даже обернулся, проверяя свои ощущения.

– Маг всегда должен быть готов к неприятностям.

– Но я-то еще не маг.

– Думаю, все обойдется, – сказал Вендор, но в это мгновение ярдах в сорока справа от него полыхнул силуэт синего великана, однако едва тот размахнулся, как Вендора, Карцепоса и Харара будто сдуло налетевшим с моря шквалом, и сфера из синего пламени ударила в пустую скамью.

Раздался грохот, по камням пристани побежали трещины, а стол со сладостями разметало в пыль.

Вендор швырнул в синего великана столб пурпурного пламени и разом вырос до его размеров.

– Он здесь не один! – предупредил своих Вендор, и тут из ближайшего проулка стали выскакивать оружие орки-молоканы.

Размахивая широкими тесаками, они бросились к Харару, но тот вскинул посох, произнес заветное слово, и каменная сфера, сорвавшись с посоха, пробила насквозь четверых молоканов, а затем сделала круг и вернулась на место.

Четверо орков повалились на мостовую, но остальных это ничуть не смутило, они стали метать в Харара топоры, заставляя беднягу то падать на мостовую, то высоко подпрыгивать. С пристани стали с криками разбегаться люди.

Гильгум и Вендор сошлись в схватке, сотрясая округу громом тяжких ударов. Синие и красные искры разлетались по сторонам, с крыш портовых складов съезжала черепица, но, несмотря на обмен ударами, синий и красный великаны оставались на ногах.

Стоявший в стороне Карцепос еще не решил, кому помогать, когда с другого конца причала появился слепленный из мостовых булыжников двадцатифутовый монстр. От его шагов сотрясались стены, рыбаки прятались на лодках и торопливо отвязывали канаты.

«Этот – мой», – понял Карцепос. Каменный монстр замахнулся и швырнул в него свою правую руку.

Раскаленные камни запели в воздухе, Карцепос мгновенно сместился на несколько ярдов, однако рой щебня изменил направление и ударил точно в цель.

От простого человека уже не осталось бы и следа, но Карцепоса лишь отбросило к лодкам, где он сломал борт баркаса и свалился в воду.

Каменный монстр сделал еще шаг и, не видя цели, остановился, бегающий от орков Харар его пока не интересовал. Услышав всплеск, он швырнул вторую руку, и новый рой раскаленных камней ударил в воду, вспенив ее и подняв клубы густого пара.

Однако Карцепос не сварился и выскочил на пристань в десяти ярдах дальше. Затем вскинул руку и образовал три воздушных вихря, которые стали вращаться вокруг него, набирая скорость.

Быстрый взмах – и они, словно натравленные псы, рванулись к каменному монстру. Тот попытался остановить их полыхнувшим из глаз синим огнем, но это не помогло. Один за другим два вихря ударили в каменное тело монстра и, как показалось, не причинили ему вреда, однако удар третьего оказался для него роковым. Каменный монстр потерял несколько камней, покачнулся и обрушился, словно ветхие руины, образовав на пристани гору обломков и облака пыли.

А Гильгум и Вендор продолжали свою дуэль, становясь то закованными в сталь рыцарями, то косматыми варварами. Их удары были все так же тяжелы, а руки полны сил.

Семеро молоканов гоняли Харара, который истратил все силы на первый удар и теперь отбивался посохом, как обычной палкой. Прижатый к самой воде, он прыгнул на один из баркасов, и рычащие орки последовали за ним. Харар перепрыгивал с лодки на лодку, раскачивая их, чтобы преследователи падали в воду, однако орков было слишком много, и удрать от них совсем Харару не удавалось.

Окинув взглядом общее поле боя, Карцепос решил помочь Вендору. Раскрутив до треска большой вихрь, он швырнул его в Гильгума. И, хотя прежней силы у Карцепоса еще не было, его вихрь потряс Гильгума настолько, что тот пропустил удар палицы Вендора и рухнул с причала в воду, разбив множество лодок в щепки.

Синий огонь разошелся по волнам голубоватыми кругами, что означало победу Вендора.

С треском и шипением красный великан Вендор сложился до обычных размеров, снова превратившись в благообразного старика.

Переведа дух, он улыбнулся Карцепосу и сказал:

– Ты подоспел вовремя, стихия – воздух. Я не ожидал от тебя такой прыти, а каково было Гильгуму, ведь и тебя, и Энверсая он считал давно ушедшими из этого мира.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что он последовательно пытается убить меня, полагая, что я последняя помеха его служению Хивве.

– А кто был этот каменный великан?

– Исседол – маг из Хардада. Он давно служит Хивве, помогает туранам и вот теперь – Гильгуму.

– А что же наш Харар? – вспомнил Карцепос и, обернувшись, увидел, как бедняга мечется среди горящих обломков лавок и столов, избегая ударов озлобленных орков. – Он еще не созрел для самостоятельности?

– Нет, помоги ему.

– Харар, сюда! – позвал Карцепос, и обессиленный ученик Вендора заковылял в их сторону. Орки побежали за ним, но были отброшены внезапно налетевшим шквалом.

Харар добежал до своих и остановился, тяжело опираясь на посох.

– Мессеры! – едва переведа дыхание, произнес Харар. – Вы могли бы сделать это раньше – они меня чуть не убили!

– А что же сам, ты ведь так долго отрабатывал этот номер с летающим камнем? – спросил Вендор.

– Я исполнил его в самом начале – зашиб четверых молоканов!

– Но их было больше.

– Я надеялся потрясти их своей силой и мощью, но недооценил их толстокожести, они слишком грубы, чтобы бояться, мессир.

– Вместо того чтобы так ярко продемонстрировать свою причастность к магическому искусству, ты мог заставить камень прыгать и бить орков по головам. Этого было бы достаточно, чтобы обратить их в бегство.

– Спасибо за совет, мессир Вендор, в следующий раз я так и поступлю, – ответил Харар, вытирая со лба пот.

– Значит, Гильгум снова станет нападать? – спросил он, поскольку был свидетелем их предыдущей схватки с Вендором.

– Думаю, он сделает это, – ответил Вендор. – Правда, теперь он знает, что Карцепос вернулся.

– Если бы еще встретить Энверсая, тогда бы он не рискнул, правильно?

– Если появится Энверсай, Гильгум тотчас оставит Хивву и присоединится к нам. Круг Четырех для него важнее Хиввы.

17

Разыгравшаяся буря трепала галеру остаток дня и целую ночь. Волны окатывали Питера с Крафтом соленой водой и разливались по палубе, гоняя по доскам оставшийся мусор. Галера подпрыгивала на волнах, проваливалась в ямы и водовороты, однако к радости двух гребцов вовремя уворачивалась от самых больших волн, грозивших навсегда похоронить ее в морских глубинах.

На удачу крохотной и неумелой команды, ветер изорвал парус, сделав плавание не таким опасным, поскольку, потеряв стремительный ход, галера перестала зарываться носом. Во второй половине ночи ветер немного стих, в тучах появились промежутки, но волны продолжали бить в борта галеры, добавляя воды через открытые срубы. Требовалось принять решение, и Крафт взял управление на себя, пока Питер короткими перебежками пробирался по раскачивающейся палубе к трапу.

Спустившись на нижнюю палубу, он в полной мере оценил своевременность своего прихода. Вода поднялась уже до щиколоток, самое время было закрыть срубы подвешенными на ремнях крышками. Это не занимало много времени, однако от воды настил и скамья стали скользкими, да и галера заваливалась то на одну, то на другую сторону.

Питер уже заканчивал свою работу, когда раздался страшный грохот – казалось, будто на галеру обрушилась скала или она пробила дно о подводный утес. Питер на мгновение замер, готовый услышать шум прорывающейся воды, но ничего, кроме завывания ветра в снастях и скрипа ослабленных шпангоутов, различить не смог.

Оставив нижнюю палубу, он торопливо выбрался наверх и остановился пораженный – поперек палубы, раскинув крылья почти на всю длину галеры, лежал морской змей. Прикинув его размеры, Питер решил, что это не самый большой экземпляр по сравнению с теми, какие плавали в море.

Голова змея оказалась раза в три больше лошадиной, глаза были прикрыты, а длинный синеватый язык вывалился из раскрытой пасти на палубу. Вопреки ожиданиям Питера, зубы у змея оказались не слишком большими, но располагались они в несколько рядов.

Судно бросало из стороны в сторону, но Питер никак не мог оторвать взгляд от этого монстра, большая часть хвоста которого свешивалась за борт, поэтому трудно было оценить подлинные размеры змея.

«Что нам с ним делать?» – скорее догадался, чем услышал Питер слова Крафта. Тот изо всех сил удерживал рулевой ворот и старался при этом как-то жестикулировать, чтобы донести до Питера смысл сказанного.

Новый порыв ветра чуть шевельнул крылья морского змея. Они оказались перепончатыми, почти прозрачными и состояли из похожих на стекло восьмигранных чешуек. Длинное тело было обтянуто шкурой, составленной из тех же восьмигранников, только серебристых.

На спине у змея имелся плавник наподобие рыбьего, усиленный острыми костяными пиками, правда, сейчас он был в сложенном положении.

Неожиданно голова змея дернулась, он открыл глаза и судорожно ударил о палубу крыльями. Питер отскочил назад, а змей повторил попытку взлететь и, поймав крыльями ветер, рванулся вверх. Его хвост хлестнул по палубе, и в следующее мгновение чудовище растворилось в предутренних сумерках, среди клочковатого тумана.

Еще не отойдя от потрясения, Питер нашел в себе силы спуститься на нижнюю палубу, чтобы закрыть оставшиеся срубы, после чего вернулся к Крафту.

– Ну и как тебе эта штука? – спросил тот.

– Я чуть на обгадился.

– А мне каково? И бежать надо, и ворот бросать нельзя...

– Куда тут побежишь?

Питер огляделся: вокруг была все та же пенящаяся вода и перекатывающиеся по палубе отсыревшие тряпки.

Примерно через полчаса ветер начал стихать, тучи разошлись, оставив после себя лишь редкие сероватые облака. В воздухе пощелкивало невидимое электричество, отчего покалывало уши, а на языке становилось кисло.

– Что это? – трогая себя за ухо, спросил Питер.

– В грозу такое бывает, не удивляйся.

Крафт осторожно отпустил рулевой ворот, уже не боясь, что тот станет лягаться, как жеребец. Теперь можно было перевести дух.

18

После выпавших на их долю испытаний приятели чувствовали себя очень уставшими и, чтобы отдохнуть, закрепили руль обрывками канатов. Отяжелевшая от балластной воды, галера вела себя спокойно, а свежий ветерок продолжал подгонять ее на запад, упираясь в порванный парус. Напарники сели у борта и стали дремать. К тому времени, когда начало всходить солнце, они уже крепко спали, растянувшись на мокрой палубе. Привыкшие к условиям жизни внизу, они и здесь чувствовали себя комфортно.

Взошедшее солнце начало пригревать и постепенно высушивать палубу, волны окончательно успокоились, а ослабевший ветерок уже едва шевелил разорванный парус. Тем временем ярдах в двухстах западнее неуправляемой галеры разворачивали сеть рыбаки – владельцы большого рыбацкого баркаса.

– Эй, Берт, давай же спускайся, разве ты не видишь, что мы и так опоздали? – жаловался хозяин лодки. – Смотри, как высоко поднялось солнце! Сусма уже уходит на дно, а если мы не выловим хотя бы двадцать ящиков, жена прибьет меня во цвете лет. Она сегодня ждет от меня хотя бы один рилли!

– Успокойся, Ном, – отозвался помощник и дальний родственник хозяина Берт – он сворачивал канатную бухту, чтобы убрать в ящик. – Мы опоздали совсем чуть-чуть, сусма не опустится на дно раньше полуденного времени.

– Эй, вы, свиньи, ну-ка пошевеливайтесь – мы стоим на месте, разве вы не видите? Как, по-вашему, ляжет сеть, если баркас стоит на месте? – прикрикнул он на четверых гребцов-невольников, изо всех сил наваливавшихся на весла.

Не дождавшись Берта, Ном сам разобрался с сетью и вскоре спровадил за борт последние поплавки. Длинной цепочкой они растянулись на всю длину снасти, цепочка эта вздрогнула, когда баркас своей массой стал увлекать тяжелую сеть за собой.

Закончив с сетью, Берт и Ном спустились к гребцам – на пол-яруса ниже. Им пришлось пригнуться, поскольку потолок тут был совсем низким. Набросив на весельные рукоятки кожаные петли, вольные члены команды стали помогать невольникам тянуть на веслах потяжелевший баркас. Началась обычная тяжелая работа: «раз-два, раз-два», даже в четыре весла протянуть двухсотфуттовую сеть было нелегко.

«Раз-два, раз-два»... Стоять было нельзя, ведь тогда сеть могла опуститься слишком низко, где ее потянут донные течения.

«Раз-два, раз-два»... Железные ворота вёсел визгливо поскрипывали.

«Надо бы в них жиру влить», – подумал Ном, морщась от напряжения. Он думал об этом каждый выход в море, но потом почему-то забывал, замотанный повседневными делами и заботами. Ему было пятьдесят, а он женился на двадцатилетней. Бедняга не представлял, что ему придется пережить – и в койке служить, как молодому жеребцу, и в море лямку тянуть, как какому-нибудь галерному. Молодая жена требовала не только ласк, но и новых нарядов, которые стоили немалых денег. И если, случалось, он не мог принести ей серебра и ограничивался медными монетами, она устраивала скандалы, не желая знать о том, что следовало вовремя смолить баркас, каждый день кормить рабов и что-то отдавать помощнику Берту.

«Раз-два, раз-два», – отсчитывал Ном, поглядывая через сруб на море. Волны были небольшими и совсем не препятствовали движению баркаса. Иногда попадались обрывки донных водорослей – следствие ночной бури. Случалось, что ненастье разгоняло рыбу, но только не в это время года. Летняя буря поднимала со дна крили, которыми питалась сусма, и рыбе незачем было опускаться ниже.

Судя по тому, что баркас двигался все медленнее и тащить его на веслах становилось все тяжелее, рыбы в сеть попадало все больше.

«Огрузимся, – мечтал Ном. – Не то что рилли, а и все три домой принесу и заткну рот этой... маленькой стерве».

Команда упиралась в весла еще около получаса, пока не стало ясно, что, несмотря на все усилия, они не продвигают баркас ни на дюйм.

– Все, Берт, поднимаем! – объявил Ном, сбрасывая с плеча петлю. Потом достал ключ и отстегнул двух рабов, чтобы они помогали ему на подъеме сети.

Гребцы встали за ворот и по команде хозяина стали его вращать, дорожка притопленных поплавок вздрогнула и медленно поползла к баркасу.

Вот и первый улов – сеть стала поднимать крупную рыбу. Сусма была отборная, чистая, словно отлитая из серебра. Пока гребцы накручивали сеть на барабан, Ном и Берт успевали выбирать рыбу.

Один за другим быстро наполнялись ящики, появлялась усталость в руках и спине, но никто не останавливался – богатый улов заставлял забыть об усталости.

– Очень неплохо... Неплохо... – приговаривал Ном, не находя времени отереть со лба заливавший глаза пот. На некоторых участках сети рыбы было так много, что Ному приходилось останавливать рабов, поскольку они с Бертом не успевали вовремя вытащить всю.

Наконец сеть была выбрана на всю длину, и в дощатом поддоне скопилось столько рыбы, что отяжелевший баркас стал слегка зарываться в ленивые волны.

– Да здесь все сорок ящиков! – заметил Берт.

– Не меньше, – кивнул довольный Ном.

– Все, ребята, грузите в ящики, – сказал он рабам и стал подниматься наверх, чтобы на ветерке перевести дух.

Выбравшись из рыбной ямы, Ном прошел на нос баркаса и, едва глянув вперед, увидел судно. Это была средних размеров галера без весел и с порванным парусом, судя по всему, совсем без команды. Она дрейфовала уже в каких-нибудь пятидесяти ярдах, можно было рассмотреть царапины на ее бортах.

Ном понимал, что, несмотря на заброшенный вид, в трюмах галеры могло остаться что-нибудь ценное.

– Эй, Берт, пойдی сюда! – позвал он.

Помощник оставил сеть и стал подниматься по узкому трапу с износившимися ступеньками.

– Что там?

– А вот иди и увидишь.

Заинтригованный Берт выбрался на палубу и удивленно покачал головой.

– Вот тебе и фокус! Брошенная, видать, посудина, – сказал он, отряхивая с рук налипшую чешую. – Парус – в лоскуты. Если доставить ее в порт, можно продать, выглядит она неплохо.

– Не говори глупостей, – возразил Ной. – Если потом найдутся хозяева, да еще окажутся пиратами...

– Можешь не продолжать. Но проверить трюмы надо...

– Вот и я об этом. Пойдем, сядем на весла и подгребем к ней – кто знает, может, выловим чего подороже рыбьих хвостов.

Они поспешили спуститься на полуярус и вместе с двумя гребцами взялись подгонять баркас к ничейной галере.

Тем временем двое других рабов закончили складывать рыбу.

– Сорок шесть ящиков, хозяин, – доложил один из них.

– О как! – воскликнул довольный Ном и хохотнул: – Сегодня не день, а сплошной праздник! Идите сюда, я вас в замки возьму, а то вы тот еще народец...

Крепко заперев замки на цепях рабов, Ном с Бертом поднялись на палубу, чтобы ухватить галеру за борт – она была совсем рядом.

Зацепив галеру багром, Ном закрепил ее к баркасу, потом оттолкнулся от палубы и перевалялся через высокий борт ничейного судна. Поднялся на ноги и, подав руку Берту, помог ему забраться.

Только после этого они огляделись.

– Смотри – трупы! – сказал Берт, указывая на два распростертых у кормы тела.

– Это рабы, – отмахнулся Ном. – Ты посмотри, какая разруха – все надстройки снесены, в палубе дыра и парус в локуты.

– Ладно, это не наше дело. Я пойду в трюм, а ты давай на нижнюю палубу.

– Хорошо, – согласился Ном и направился к трапу, ведущему на палубу гребцов. Однако едва он спустился, как тут же понял, что тут пусто – отделение для гребцов-невольников было частично затоплено, а срубы плотно закрыты, только падавший в пролом дневной свет позволял разглядеть несколько брошенных весел.

Ном поднялся наверх, и в этот момент его позвал Берт:

– Эй, Ном, здесь кое-что есть, спускайся!

Ном поспешил в трюм и увидел помощника с мешком в руках.

– Что тут?

– Пять мешков с орехами и дрова. Думаю, нужно забрать все.

– Заберем, нам все сгодится.

Они перетаскали трофеи и сложили их у борта. Немного передохнули и уже собирались перебросить мешки на баркас, как вдруг Ному показалось, что одно из тел на корме шевельнулось.

– Ну-ка, давай посмотрим, может, они живы, – предложил Ном.

– Пара свежих рабов нам бы не помешала, – согласился Берт, передвигая на поясе морской нож.

Ном тоже приготовил оружие, и они двинулись к спящим галерным.

19

Питер проснулся оттого, что кто-то грубо ткнул его в живот. Он вздрогнул и, открыв глаза, в первое мгновение подумал, что это молоконы вернулись на галеру.

– Вставай, скотина, пора работать! – сказал Берт, и они с Номом засмеялись.

От шума проснулся Крафт, и, чтобы он понял, кто теперь главный, Ном ударил его ногой в живот. Крафт скрючился, ловя ртом воздух, – пробуждение было не из приятных.

– Поднимайтесь, пока мы не наставили вам синяков! Быстрее, я сказал! – начал командовать Берт.

Питер поднялся и помог Крафту, тот едва держался на ногах и никак не мог восстановить дыхание.

– Иди к мешкам, или я тебе отрежу ухо, – пригрозил Берт, доставая рыбацкий нож.

– Не нужно, мы уже идем, – ответил Питер и потащил Крафта к сложенным у борта мешкам с орехами.

– Пошевеливайся, свинья! – крикнул Ном и хотел отвесить ленивому рабу пинка, однако тот неожиданно поймал его за башмак и, резко повернувшись, улыбнулся «новому хозяину».

– Отпусти, урод! Порежу! – закричал Ном, прыгая на одной ноге и размахивая ножом в надежде дотянуться до Крафта.

– Пожалуйста, – ответил Крафт и, резко дернув ногу, опрокинул Ному на спину, а затем подобрал оброненный нож.

Все произошло так быстро, что Берт немного растерялся, но затем бросился на Питера, надеясь справиться хотя бы с безоружным. Однако Питер ждал этого и, отпрыгнув к борту, схватил мешок с орехами и швырнул в Берта, выведя его из равновесия. Подоспевший Крафт огрел противника рукоятью ножа, и помощник Ному тоже оказался на палубе.

Питер подобрал второй нож и встал рядом с Крафтом.

– Давай уьем их, – сказал он.

– Я как раз хотел предложить это, – кивнул Крафт.

– Стойте! Стойте! – закричал Ном, закрываясь рукой. – Стойте, не убивайте нас, давайте договоримся!

– О чем? – с наигранным удивлением спросил Крафт.

– Мы доставим вас в порт Исфаган! Дадим одежду, ведь не можете же вы ходить в этих тряпках – в них всякий признает вас за рабов и может арестовать в свою пользу...

– Да, в свою пользу, – подтвердил Берт, с ужасом глядя на свой нож в руках молодого раба.

– Что скажешь? – спросил Питер Крафта.

– Ну, если только у них найдется приличная одежда... – произнес тот с таким выражением, как будто мог еще передумать.

– Я отдам вам лучшие рубашки! – затараторил Ном. – И еще у меня достаточно меди – кадастров двадцать. Серебра сейчас нет, будет вечером, когда продам рыбу...

– Да, когда продам рыбу, – повторил Берт. – А еще у нас лепешки с мясом есть, утром были еще горячие.

– Ну что же, – кивнул Крафт. – Так уж и быть, мы дадим вам шанс.

20

Поначалу ощущение воли пьянило Питера и не давало сосредоточиться на его теперешнем положении. Коротко стриженные, исхудавшие, в одежде с чужого плеча и растоптанных рыбацких башмаках, они с Крафтом слишком бросались в глаза, следовало придумать, куда им спрятаться, чтобы прийти в себя и оценить обстановку.

– Может, снимем какой-нибудь подвал в доме победнее? – предложил Питер.

– Снимем, только сначала нужно еды купить, – ответил Крафт, настороженно поглядывая на прохожих и оборачиваясь на редких всадников. Все вокруг казалось недавним рабам опасным и подозрительным. Окружающие платили им тем же, провожая долгими взглядами, а домохозяйки далеко высовывались из окон, чтобы лучше рассмотреть этих стриженных оборванцев.

– Идем на базар, – тихо скомандовал Крафт.

– А где он?

– Видишь, из проулка тетки с корзинками идут?

– Ага, это кухарки.

Они проскользнули через узкий проулок и вышли на полупустую базарную площадь – основная торговля состоялась утром, а теперь здесь было довольно скучно. Полтора десятка торговцев да пара дворников, сметавших чешую между освободившимися рядами.

– Давай хлеба купим и мешок с водой – на это у нас денег хватит, – сказал Питер, еще раз пересчитывая в кармане полученные от рыбаков крейцеры. Всего набиралось пятнадцать, мелочь, конечно, но, если не особенно тратиться, дней семь, а то и все десять протянуть на них можно.

– Почем, тетенька, твои лепешки? – спросил Крафт, останавливаясь напротив полной немолодой торговли.

– По два крейцера за штучку, сынок. Бери, лепешки свежие, сама пекла!

– Да где же свежие, если даже не продавишь? – возразил Крафт, тыкая в лепешку грязным пальцем.

– А поджаренная просто, с корочкой, – невозмутимо ответила торговка.

– Женщина, хлеб у вас черствый, – вмешался Питер. – Вы здесь с самого утра стоите и до сих пор не распродались. Даю вам два кадастра за четыре лепешки. Если нет, мы возьмем хлеб в трактире – дороже, но зато мягче.

Тетка сощурила на Питера маленькие глазки и покачала головой:

– Ну чисто биндюги дорожные, последнее у бедной старушки отымают. Ладно уж, давай свои медяшки, уговорил.

Питер отдал деньги, забрал четыре лепешки и едва сдержался, чтобы не вцепиться в них зубами тотчас.

– Порядок, – негромко сказал Крафт. – Теперь правь к водяной лавке.

Питер прошел вдоль разомлевших на жару торговцев и остановился напротив навеса, где торговали горячим чаем, а также водой в кувшинах, кожаных мешках и в розлив.

Заметив покупателей, худошавый усатый мужчина поднялся со скрипучего табурета и, строго посмотрев на оборванцев, спросил:

– Надо чего или поглазеть просто?

– Воды надо, – сказал Питер, снова забирая на себя инициативу.

– Сколько?

– Вон тот мешок, с залысиной.

Питер прекрасно знал, что чем лучше выглядел кожаный мешок, тем больше за него брали денег.

– Восемь кадастров за полмеры воды.

– Даю два кадастра, потому что в этом мешке не наберется и полутора четвертей, – сказал Питер, сразу протягивая деньги. Он был хорошим учеником своего дяди, известного на севере купца, и умел на глаз определять объем воды, вес крупы в мешке или длину ткани в штучке. Питер учился быть пройдошливым купцом, а для этого требовалось иметь наметанный глаз и не полагаться на заверения торговых партнеров.

Усатый недовольно засопел, почесал себя пониже живота и, смахнув с ладони Питера деньги, подал ему заказанный мешок.

– ...прямо хоть беги с этого города, – услышал он жалобу какой-то торговки. – Ночью такой грохот стоял, что стекла с черепицей сыпались.

– Ой, я сама так перепугалась, что даже чай на стол пролила, – подхватила другая. – А чего там было?

– Сказывают, сила неведомая лодки с пристани уносила – да с треском, да с огнем!

– А куда ж уносила-то?

– Про то никто не знает. Сказано же – неведомая сила.

– Ой, страшно как, прямо хоть беги!

– А куда бежать? За городом душегубцы, муку и масло только баркасами возят – дороги непроезжие...

Питер отдал мешок Крафту и пошел к выходу с площади, но вдруг среди однообразного размеренного шума полуденной улицы раздалось несколько громких возгласов, а затем послышался торопливый звон шпор.

Крафт с Питером замедлили шаг и переглянулись – похоже, их опасения подтверждались.

21

Иоган фон Крисп проснулся от режущего слух звука, который раз за разом повторялся совсем рядом – над самой его головой. Фон Крисп приоткрыл глаза, но это не дало никакого результата – то, что он видел, ничего ему не напоминало.

– Ш... Што это?.. Ш-што это такое? – прохрипел фон Крисп и, потянув носом, почувствовал запах куриного помета.

– Я... где?

Он попытался перевернуться на спину, но с первого раза ему этот не удалось. А затем над его головой снова прозвенел это мучительный звук – не устоявшийся голос молодого петушка, который снова начал свои тренировки.

– Ах ты, каналья!

Фон Крисп, не глядя, сшиб птицу с насеста, закричавший петух тотчас переполошил в курятнике всех кур. Они забегали, забили крыльями – теперь фон Крисп точно знал, где он.

– Я в курятнике, – произнес он, с трудом садясь на загаженной соломе. – А... как я здесь ок... оказался?

Звук собственного голоса заставил вибрировать череп, и это вызвало боль. Ощущение было такое, будто кто-то бил по голове, а она отзывалась точно колокол.

– О-о... – простонал фон Крисп, прикладывая кулак к голове. – Это невозможно... Помогите кто-нибудь...

Приоткрыв глаза, он обнаружил свою шляпу и, сориентировавшись, пополз на четвереньках к выходу.

Фон Крисп чувствовал себя так скверно, что несколько шагов из курятника до свежего воздуха показались ему долгой извилистой дорогой. Наконец он вывалился в небольшой внутренний дворик, где сумел немного перевести дух.

Теперь он точно знал, что у него похмелье, а стало быть, вчера он сильно напился. Не открывая глаз, фон Крисп начал себя ощупывать – меч на месте, хорошо. Кинжал – тоже. Сапоги загажены куриным пометом, но тоже оба на месте. Надо было что-то предпринять, но о том, чтобы подняться на ноги, не могло быть и речи.

– Поттер... – позвал фон Крисп, но никто не отозвался. – Поттер! – позвал он громче, и приступ боли заставил его сжать кулаками виски.

– Я здесь, ваше превосходительство, – осторожно произнес слуга, выглядывая из-за забора.

– Где ты ходишь? Неси скорее вина, – потребовал фон Крисп, поудобнее устраиваясь у стены курятника.

– Нет вина, ваше превосходительство.

– Как нет? Сам выпил, подлец?

– Никак нет, ваше превосходительство. Вы его еще на прошлой неделе выпили.

– Ну так пойді в лавку, да поскорее, ты разве не видишь, в каком я состоянии?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.